
ОГОНЁК
№ 49 ДЕКАБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На всю жизнь запомнит московская школьница Валя Молчанова день 5 ноября 1957 года. В этот день она была принята в ряды Ленинского комсомола. Прием в ВЛКСМ проходил в торжественной обстановке в Центральном музее В. И. Ленина. Член КПСС с 1919 года, бывший секретарь ЦК ВЛКСМ А. И. Мильчаков поздравил Валю и пожелал ей успеха в жизни. Жена легендарного героя Н. А. Щорса Ф. Е. Ростова прикрепила ей комсомольский значок.

Фото Н. Туранова.

На первой странице обложки: Василий Банна — один из лучших бригадиров-оленеводов колхоза «Путь Ленина», Северо-Эвенского района, Магаданской области.

Фото Я. Рюмкина.

На последней странице обложки: Япония. Хиракава. Учитель Осуми со своими учениками.

Фото Н. Козловского.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 49 (1590) 1 ДЕКАБРЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

5 ДЕКАБРЯ — ДЕНЬ КОНСТИТУЦИИ СССР

Не только наши друзья, но и враги признают ныне факт, что Советский Союз вышел на первое место в мире в подготовке специалистов — инженеров и ученых — во всех областях современной науки и техники. Это почетное первенство принесла нам Советская Конституция, закрепившая за всеми людьми нашей страны, вне зависимости от национальности, пола и имущественного положения, ничем не ограниченное право на образование.

На снимке: участники Всесоюзной конференции по ядерным реакциям при малых и средних энергиях (справа налево): академик А. И. Алиханов, профессор М. В. Пасечник (Украина), доктор физико-математических наук С. А. Азимов (Узбекистан), действительный член Академии наук Украинской ССР А. К. Вальтер и член-корреспондент Академии наук Грузинской ССР В. И. Мамасахлисов.

Фото С. Фридлянда.

Декларацию подписывает Первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищ Н. С. Хрущев.

14—16 НОЯБРЯ В МОСКВЕ СОСТОЯЛОСЬ СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ И РАБОЧИХ ПАРТИЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН. НА СОВЕЩАНИИ ЕДИНОГЛАСНО ПРИНЯТА ДЕКЛАРАЦИЯ.

Декларацию подписывает Председатель Центрального Комитета Коммунистической партии Китая товарищ Мао Цзэ-дун.

Фото В. Егорова.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

Николай ТИХОНОВ

Манифест мира, принятый на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий шестидесяти четырех стран в Москве, является выдающимся историческим документом. Невозможно преуменьшить значение этого Манифеста, в котором идет речь о судьбе всех народов нашей планеты, о судьбе будущих поколений.

Работницы московского шелкоткацкого комбината «Красная Роза» обсуждают документы, принятые на совещании представителей коммунистических и рабочих партий.

Фото Ф. Короткевича.

До каждого честного человека, до каждого мирного труженика дойдут эти простые, правдивые, строгие, горячие слова коммунистов, призывающих объединить свои усилия всем, кому дорог мир, всем, кто считает, что их святым долгом является усиление борьбы в защиту мира, находящегося под угрозой.

Этот манифест близок каждому человеку, будь он рабочий, крестьянин, ученый, художник или священник. Он является документом, выражающим дух гуманизма, освещающим все достижения человеческого гения и все опасности, стоящие перед человечеством. В то же время он говорит о великих переменах, происшедших в мире за последние сорок лет, о том, что социализм как общественная система далеко превосходит капитализм, о том, что социализм находится на подъеме, а империализм идет к упадку.

Империализм потерял свою власть над большинством людей, населяющих нашу планету. Он угрожает гибелью цивилизации, ядерной войной, дыша ненавистью к свободолюбивым и миролюбивым народам, но он уже не всесилен. Манифест с ясной и твердой уверенностью говорит в решающий, переломный момент истории человечества о том, что война не только не неизбежна, но что ее можно предотвратить, а мир можно защитить и упрочить, если народы объединят свои усилия. Лагерь мира сильнее лагеря войны. Когда народы говорят: миру мир, это не только крик души миллионов, это — выражение твердой воли к действию, это настоящий путь к победному мирному прогрессу всего человечества!

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЛУИ АРАГОНА!

Специальным постановлением Комитета по международным Ленинским премиям французскому писателю и общественному деятелю Луи Арагону присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами».

В Советской стране имя Арагона хорошо известно не только по замечательным произведениям, которые вышли из-под пера этого талантливого французского писателя. Арагона знают у нас как горячего сторонника мира, как верного друга советского народа. С самого начала зарождения могучего движения сторонников мира Луи Арагон принимает в нем активное участие. Но еще до войны голос его звучал громко, призывая к миру, осуждая войну.

Идеям мира, борьбе за лучшее будущее человечества посвятил писатель-патриот Луи Арагон все свое творчество и свою жизнь.

Недавно в Москве советские люди тепло отметили 60-летие со дня рождения Луи Арагона. Теперь они от души поздравляют его с присуждением международной Ленинской премии и желают Луи Арагону больших успехов в его творчестве, в борьбе за мир, за нерушимую дружбу между французским и советским народами.

Миру мир!

Миру мир! И сегодня
к великому миру навечно,
чтоб исчез на планете
военных психозов буран,
Манифестом своим
призывают сердечно
всех людей на земле
коммунисты всех стран.
Все, кто против насилья,
вставайте под наши знамена,
чтоб отбросить безумства войны
на года, навсегда.
Если люди, сплотившись,
объявят войну вне закона,
то войне на земле не бывать!
Не бывать никогда!

Василий ЖУРАВЛЕВ

Что происходит ВО ФРАНЦИИ

Пьер КУРТАД

Мне трудно представить себе, насколько ясны советскому читателю все перипетии политического кризиса, переживаемого ныне Францией. Советские люди живут в мире, настолько отличном от нашего, что сложные маневры французских буржуазных политиков могут, пожалуй, показаться им столь же темными, как письмена на неведомом языке.

Впрочем, ненамного более ясным представляется это положение и миллионам простых французов, голосовавших 2 января 1956 года за то, чтобы «стало иначе». Ныне французы вынуждены констатировать по пословице, авторство которой, полагаю, тоже принадлежит Франции: «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-старому».

* * *

Результаты всеобщих выборов 2 января 1956 года принесли, как известно, победу «республиканскому фронту», а на левом фланге — блестящий успех Французской коммунистической партии. Эти выборы, бесспорно, означали, что подавляющее большинство французского народа высказалось за решительную политику в социальной области, за разоружение, за мирное решение алжирской проблемы, за республиканский строй. Однако руководители «республиканского фронта», социалисты и радикалы, отказались действовать в союзе с коммунистами, и это привело к затяжному политическому кризису.

Козырем социалистической партии на выборах были ее обещания бороться против клерикализма и колониализма. Поэтому вначале она не могла открыто искать опоры среди правых партий. Ги Молле пришлось выполнить некоторые предвыборные обещания и при этом воспользоваться поддержкой коммунистов в парламенте, хотя он усердно заверял, что этой поддержки не хочет. Но время шло. Война в Алжире ширилась, она несла с собой колоссальные расходы, вызывала неизбежный регресс в области социальной политики. Все это затрудняло маневры Ги Молле и других руководителей социалистической партии.

К тому же и правые партии поставили вопрос ребром: либо вы с нами, либо против нас. Социалисты продолжали уклоняться от решения этой дилеммы. За такой политикой во Франции утвердилась кличка «моллетизм», по имени Ги Молле. Но, по сути дела, это старая тактика правых социалистов, она сводится к тому, чтобы прикрывать реакционную политику левыми фразами. Ги Молле довел эту лицемерную тактику до небывалого совершенства. На национальных конференциях социалистической партии Робер Лакост распевал «Интернационал», а в то же самое время газеты черной реакции прославляли его за беспощадные репрессии, которые он учинял в Алжире. Лидеры социалистов разглагольствовали о светском характере государственной власти, но оставляли в силе так называемый «закон Баранже», по которому в нарушение конституции отваливаются крупные субсидии клерикальным школам. Они обещали улучшить условия жизни трудящихся, а на деле эти условия ухудшали, поощряя раскольническую политику реформистских профсоюзов.

Сколько раз они провозглашали свое стремление установить мир в Алжире! Они даже вступили было в переговоры с авторитетными представителями алжирских патриотов. Но потом оказалось, что это было задумано с одной только целью: бесчестно завлечь в западню Бен Беллаха и его товарищей, до сих пор сидящих в парижской тюрьме Санте.

Вожди социалистической партии рассчитывали, что такая «политика» позволит им продержаться у власти, пока в Алжире не будет одержана военная победа. Но победа не приходила. Избиратели стали понимать, что их одурачили. Недовольство росло. Ги Молле пришлось сделать попытку возложить на буржуазию хотя бы часть расходов по ведению безнадежной колониальной войны.

В ответ на такую угрозу своему кошельку правые объявили Ги Молле, что смогут обойтись и без него. Они тут же его и уволили, как выгоняют незадачливого приказчика, представившего хозяину убыточный баланс.

Пришедший на смену Ги Молле Буржес-Монури смог вместе со своей кликой азартных политических игроков только добиться некоторой оттяжки. Казначейская касса все пустела. Все очевиднее становилось для французов, что никакие туманные обещания и никакие новые военные усилия не помогут покончить с «бунтом» в Алжире. Правительство Буржес-Монури, в свою очередь, пало. Опять перед социалистическими лидерами стал со всей остротой все тот же вопрос: править, имея поддержку коммунистов, или править, заслужив доверие правых.

История правительственного кризиса, разгоревшегося в октябре — ноябре, рекордного по своей длительности,— это все та же история безнадежных попыток социалистических лидеров уклониться от выполнения воли народа. Между тем французы выражают все отчетливее свою волю. Они хотят, чтобы найдено было «левое решение». Ширится борьба масс за удовлетворение экономических требований, все громче звучат протесты против войны в Алжире.

И можно в этих условиях понять крайнюю озабоченность тех политиков, которые, согласившись сформировать правительство, один за другим выходили, чтобы проделать «круг по манежу» перед Национальным собранием (характерно, что это ходячее выражение заимствовано из циркового словаря).

За время кризиса между буржуазными партиями и — увы! — большинством социалистических лидеров установилось некое молчаливое соглашение, по которому алжирская проблема считается, собственно, «уже решенной»! И те и другие «готовы признать», что нынешние политические трудности порождены тяжелым экономическим положением страны. Соглашаются с тем, что казна пуста, но... не говорят, куда же девались из нее деньги, хотя они явно ушли на ведение войны, которую сам Ги Молле называл в своих предвыборных речах «глупой войной». Эта неуклюжая тактика имеет все меньше успеха. Но было бы, однако, опрометчивым утверждать, что она уже никого не в состоянии обмануть.

В «среднем» классе Франции, в крестьянстве и даже в рабочем классе сохраняются еще иллюзии в связи с войной в Алжире. Много еще есть французов, которые, решительно осуждая преступные репрессии в Алжире, страстно желая конца войны, в то же время отказываются признать за Алжиром право на независимость.

Ясно, что сыновья рабочих, крестьян, служащих, из которых состоит воюющая в Алжире армия, не есть «колонизаторы» в том смысле, в котором колонизаторами являются крупные землевладельцы Алжира. Ясно, что у этой молодежи нет никакой охоты умирать во имя интересов этих богатых помещиков; но очевидно и то, что им нелегко отрешиться от представлений о «цивилизаторской миссии Франции», которые они получили на школьной скамье. Многие из этой молодежи далеко не освободились еще от недуга расового превосходства.

Настоятельная задача всех прогрессивных людей Франции — внести во все эти вопросы ясность. Коммунисты настойчиво и последовательно делают это, выдвигая в качестве основного принципа право Алжира на независимость. Но все же остается фактом, что идея независимости Алжира еще не воспринята большинством французского общественного мнения.

Французская коммунистическая партия, оставаясь целиком на своих принципиальных позициях, заявляет о своей готовности пойти на компромисс с теми партиями и людьми, которые хотя и не согласны с ней по вопросу о независимости Алжира, но понимают, что надо заключить мир, что это в интересах Франции.

Морис Торез в речи, произнесенной 24 октября, заявил:

«Известно, что у нас имеется ясное мнение относительно алжирской проблемы: признание алжирской нации и ее права на независимость, переговоры с алжирским народом в целях установления новых отношений, свободно обсужденных и выгодных для обеих стран. Но мы совершенно не требуем от других партий, чтобы они целиком стали на нашу точку зрения».

И Морис Торез добавил:

«Ги Молле ориентируется на компромисс вправо, на компромисс, благоприятный для реакции, пагубный для рабочего класса и народа. Мы, коммунисты, считаем необходимым другой компромисс, компромисс в интересах народа».

Противники мирного решения алжирского вопроса все еще надеются, что им удастся в конечном итоге восстановить свое колониальное господство в Алжире силой оружия. Они пускают в ход фальшивую версию, будто алжирские патриоты ставят **предварительным условием** всяких переговоров признание независимости страны. Реакционеры при этом намеренно и упорно умалчивают о том факте, что алжирский Фронт национального освобождения предложил недавно переговоры без «предварительных условий», как об этом публично заявил и бывший министр-социалист Гастон Дефферр.

Последним совершил «круг по манежу» перед Национальным собранием Феликс Гайяр. Существо его программы сводилось к тому, чтобы заставить бедняков оплачивать расходы на безнадежную войну, выгодную только богачам. Социалисты еще раз были поставлены перед решающим выбором, решающим, быть может, для всего будущего их партии. В связи с последним правительственным кризисом Ги Молле пришлось столкнуться внутри Национального Совета социалистической партии с оппозицией небывалой до сих пор силы. Тем не менее нашлось «большинство», которое высказалось за участие социалистов в правительстве. Так, поддержанный голосами социалистической партии, Феликс Гайяр пришел к власти.

Молодость нового председателя совета министров (говорят, что со времен Бонапарта он самый молодой во Франции глава правительства) с несомненностью показывает, что французская буржуазия уже не может обойтись кругом старых патентованных политиков. Она начинает мечтать о «сильной руке», об «энергичных действиях» и т. п.

После Гайяра — а он тоже может оказаться недолговечным — не будет иного политического решения, кроме курса влево. Это решение встанет перед социалистами как неотвратимая неизбежность. Путь к этому, быть может, еще долог, но в конечном итоге необходимость этого единственного решения станет ясной для парламента так же, как она сейчас становится ясной для французского народа.

Фото Б. Уткина.

АТОМНЫЙ ЛЕДОКОЛ СХОДИТ СО СТАПЕЛЕЙ

К. КОНСТАНТИНОВ

Казалось, совсем недавно страна услышала об атомном ледоколе. Это было в дни подготовки к XX съезду Коммунистической партии Советского Союза. В Директивах съезда говорилось: «Построить ледокол с атомным двигателем».

И вот сегодня на стапелях возвышается огромный стальной корпус этого гигантского корабля. Люди, проходящие мимо, останавливаются и, запрокинув голову, читают начертанное высоко на корпусе слово: «ЛЕНИН».

Невольно поражаешься, с какой фантастической быстротой мечта воплотилась в действительность. Это ведь не серийный корабль, который создается по установившейся технологии. Никто и никогда в мире не строил подобных судов. Все здесь ново и не изведано. Утолщенные стальные листы прочных марок потребовали иных приемов обработки: инженеры применили фотооптическую разметку, автоматическую резку и сварку, новейшие эластичные электроды. По-новому производилось сооружение корпуса: на стапели из цеха доставлялись готовые узлы секциями весом до 75 тонн каждая. Из этих «кусков» и компоновался цельносварной корпус ледокола. Он рос пирамидально вширь и вверх...

По железным мосткам поднимаемся на борт атомохода. От днища до палубы — шестнадцать метров. Вступив на верхнюю палубу, сразу ощущаешь громадные размеры корабля. По нему можно прогуливаться, как по улице: длина его — 134, ширина — свыше 27 метров. Когда ледокол «Ленин» войдет в строй, он станет самым мощным из существующих ледоколов. Он способен ломать лед толщиной в два метра...

Над палубой нет еще надстройки. Ее собирают рядом на понтоне. Когда судно спустят на воду, мощный кран снимет ее с понтона и в готовом виде установит на верхней палубе. В надстройке разместится штаб атомохода. С помощью дистанционного управления и современной автоматики капитан сможет управлять движением корабля, регулировать работу важнейших механизмов, легким поворотом рукоятки изменять скорость атомохода.

На ледоколе расположится своеобразный филиал Арктического института со многими научно-исследовательскими отделами. С взлетной площадки в ледовую разведку будут подниматься вертолеты...

Спускаемся по трапу вниз и, минуя главные жилые коридоры, оказываемся в большом центральном отсеке, предназначенном для мощного ядерного реактора. В результате цепной реакции будет выделяться огромное количество тепла. Это тепло будет использоваться для превращения воды в пар, который станет вращать турбогенераторы. Ядерный реактор надежно изолирован от всех помещений. Экипажу обеспечена безопасность. Специальная защита предохранит команду, машины и сложные механизмы от вредного действия радиации.

Атомный ледокол не знает топливного «голода». Обычному ледоколу хватает запаса угля или нефти на один — два месяца. Потом он вынужден заходить в порт. Ледокол «Ленин», взяв «атомное топливо», сможет плавать не менее года без захода в порт.

На ледоколе, естественно, нет ни машинистов, ни кочегаров. Их заменяют дежурные операторы, стоящие на «посту энергетики». Нам показывают такой пост. Он оснащается оригинальными приборами, которые сами, без вмешательства человека, наблюдают за всеми процессами, происходящими в реакторе, автоматически поддерживают нужный тепловой режим...

Спускаемся ниже. В разных местах — отсеки для мощных гребных электродвигателей. Эти могучие машины, как и все другие сложные агрегаты и приборы, созданы руками советских специалистов и рабочих отечественной промышленности. На ледоколе — сотни электромоторов. Одного лишь кабеля укладывается свыше 300 километров. Энергии, вырабатываемой на ледоколе «Ленин», хватило бы для целого промышленного гиганта и даже города.

На атомном корабле около тысячи помещений. Чтобы осмотреть их, требуется не один день. Это в полном смысле слова современный плавучий город. Советские ученые и конструкторы позаботились о том, чтобы экипаж, находясь в далеком, длительном плавании, ни в чем не испытывал нужды.

...Главные жилые коридоры. Вдоль правого и левого бортов — матросские каюты. Заходим в первую встретившуюся на пути. Она отделана ценной породой дерева, в ней удобная мебель: письменный стол на тумбочках с выдвижными ящиками, зеркало, мягкие постели, вентиляция. Лампы дневного света. Установка искусственного климата круглосуточно подает в каюты свежий воздух.

Идем дальше. Вот клуб. Рядом библиотека, музыкальный салон. Пройдя через шахту, попадаем в помещение № 284. В нем будет столовая, буфет, по соседству — судовая лавка. Есть на корабле и бытовые мастерские: сапожная, портновская, парикмахерская, ме-

ханическая прачечная; баня, душевая...

Любой корабельный кок может позавидовать тем, кому доведется работать в пищеблоке атомного ледокола. Камбуз полностью электрифицирован: электрические кастрюли, электрические сковородки, чайники, духовки... Корабельная электропекарня снабдит команду свежим хлебом, сдобными изделиями. Хотя ледокол будет плавать во льдах, но на нем есть и свои электрохолодильники. Мощные рефрижераторные установки обеспечат в течение всего рейса свежесть продуктов.

В каждом отсеке — новые открытия. Заходим в помещение, где будет судовая поликлиника. Впрочем, «судовой» назвать ее было бы слишком скромно. Здесь все, как в любом городском медицинском учреждении. Врачебные кабинеты: терапевтический, зубоврачебный, рентгеновский. Операционная, палаты... Высококвалифицированные врачи различных специальностей будут наблюдать за здоровьем экипажа атомного ледокола.

По железным лесенкам снова взбираемся наверх, на палубу. И неожиданно слышим разноязычный говор. Оказывается, корабль осматривают зарубежные гости: китайцы, французы, итальянцы, бирманцы, шведы... С неподдельным интересом слушают они рассказ одного из инженеров, строящих ледокол, Владимира Барабанова. На этом заводе отец Барабанова начал свою трудовую жизнь слесарем, а в советское время долгие годы был его директором. Этот штрих из биографии потомственного судостроителя заинтересовывает иностранных гостей не менее, чем сам корабль. Владимира Барабанова строители в шутку называют то флагманским экскурсоводом, то пресс-атташе. В последнее время на корабле побывали делегаты многих стран, иностранные журналисты. И всех их принимал Барабанов.

С верхней палубы ледокола как на ладони видны прямые улицы, шпили, набережные города Ленина. Ленинградцам выпала великая честь открыть новую эпоху в истории мирового судостроения. Вместе с ними атомоход создают ученые, инженеры, рабочие многих отраслей могучей советской индустрии. Около 500 предприятий страны поставляют механизмы, приборы, материалы.

В первый рейс ледокол «Ленин» поведет капитан Павел Акимович Пономарев — один из старейших арктических флотоводцев. В эти дни он, как и строители, ни на минуту не покидает стапели. Атомоход готовят к спуску. Возле спусковой дорожки, по которой корабль сделает свои первые «шаги», хлопочет мастер Сергей Яковлевич Яковлев. Не один корабль спускал он на воду за свою долголетнюю работу. Но атомный ледокол «Ленин» несравним ни с одним из них. И поэтому ветеран судостроения особенно пристально следит за тем, как идут последние приготовления. Вот под нос и корму подведены многотонные понтоны, под днище заведены полозья с насалкой. Приближается день большого торжества судостроителей. Первый в мире атомный ледокол «Ленин», флагман арктического флота, скоро будет спущен на воду...

Интервью «Огонька»

У ФИЗИКОВ ДУБНЫ

Обширные работы по изучению элементарных частиц и атомного ядра ведет Объединенный институт ядерных исследований, разместившийся в небольшом подмосковном городке Дубна. Здесь, у громадных физических установок-ускорителей и в лабораторных комнатах, уставленных микроскопами, осциллографами, сложной электронной аппаратурой, в дружеском контакте трудятся физики двенадцати социалистических государств.

В связи с состоявшейся на днях сессией Ученого совета мы попросили директора Объединенного института проф. Д. И. Блохинцева рассказать о главных итогах проведенных работ.

— Сессия Ученого совета Объединенного института, — сказал проф. Д. И. Блохинцев, — обсудила годичные результаты и перспективы деятельности нашей научной организации и заслушала несколько научных докладов.

Директор лаборатории высоких энергий, член-корреспондент Академии наук СССР В. И. Векслер рассказал о том, как идут работы на сложнейшей атомной машине — десятимиллиардном ускорителе, пущенном несколько месяцев назад. В настоящее время происходит планомерное увеличение интенсивности пучка протонов, даваемых этим огромным «физическим прибором». Одновременно физики приступили к использованию ускорителя. Проведен ряд опытов, при которых пучок протонов с энергией девять миллиардов электроновольт облучал толстые эмульсионные слои, помещенные в ускоритель.

О первых результатах такого «прощупывания» микромира с помощью частиц-«снарядов», разогнанных синхрофазотроном, доложил Ученому совету кандидат физико-математических наук К. Д. Толстов. Ведется детальное изучение явлений в эмульсионных слоях, подвергнутых облучению. На этих своеобразных фотопластинках видны так называемые «звезды» — следы ядерных взрывов, происходящих в мире частиц размером в миллионные доли миллионной миллиметра. Наблюдалось, в частности, как сверхбыстрые протоны, налетая на атомные ядра, нагревали их до десятков миллиардов градусов и вызывали полные расщепления ядер-«мишеней» на составляющие их протоны и нейтроны. В других случаях протоны-«снаряды» отдавали свою энергию на одновременное образование большого количества быстрых мезонов, наоборот, почти не нагревая и не разрушая при этом ядра-«мишени». Изучение этих явлений поможет лучше понять законы взаимодействия между элементарными частицами и строение атомных ядер. В этих работах вместе с советскими физиками приняли участие молодые ученые Китая и Болгарии.

Ввод в действие синхрофазотрона открывает возможности поисков новых элементарных частиц. Будет развиваться также изучение при сверхвысоких энергиях микрочастиц, уже известных физикам.

Сейчас лаборатория высоких энергий оснащается рядом новых приборов и установок, задача которых — запечатлеть тончайшие детали и особенности явлений микромира.

Если десятимиллиардный синхрофазотрон запущен совсем недавно, то другой атомной машине — синхроциклотрону института — исполнилось уже восемь лет. За годы работы этого ускорителя сотрудники лаборатории ядерных проблем, используя до семнадцати «пучков» разнообразных частиц — протонов, нейтронов, мезонов различных энергий, выполнили большое количество исследований, широко известных как у нас, так и за границей. В этом году были проведены работы по дальнейшему повышению интенсивности пучков микрочастиц, создаваемых ускорителем. Это позволило, как отмечалось на Ученом совете, провести ряд интересных исследований.

Директор лаборатории ядерных проблем проф. В. П. Джелепов сообщил Ученому совету новые данные по изучению процессов рождения основных носителей ядерных сил — пи-мезонов — при взаимодействии нейтронов и протонов с протонами. В других опытах наблюдалось выбивание дейтронов — ядер тяжелого водорода — из атомных ядер легких элементов. Изучались также процессы своеобразного размножения пи-мезонов, в которых вместо одного появлялись два мезона. Все эти опыты дают ценный материал для понимания природы ядерных сил, позволяют получить о них более точные количественные данные.

Кроме того, были выполнены эксперименты по изучению новых, необычных свойств, так называемых мю-мезонов, свойств, вызывающих большой интерес физиков. В дальнейшем наряду с развитием упомянутых работ предполагается сосредоточить внимание на изучении атомных частиц, подвергнутых поляризации, иначе говоря, частиц, вращение которых имеет упорядоченный характер. Эти исследования увеличат наши знания о силах, связывающих частицы в атомном ядре.

На Ученом совете выступили также с докладами сотрудники лаборатории ядерных проблем М. Петрашку (Румыния), советские физики В. Б. Флягин, Б. С. Неганов и другие.

С интересом обсуждал Ученый совет деятельность недавно созданной в институте лаборатории теоретической физики. Руководитель этой лаборатории акад. Н. Н. Боголюбов прочел на заседании совета доклад о законченном им фундаментальном труде по вопросам сверхпроводимости. Это явление, бывшее загадочным для физиков в течение десятков лет, наконец полностью разъяснено. На совете отмечалась большая продуктивность новой лаборатории и важность задач, перед нею поставленных. Для сложных расчетов теоретики будут пользоваться современными электронными машинами. Задача работников этой лаборатории — объяснять опытные данные, получаемые на ускорителях, и ставить новые проблемы перед экспериментаторами. Теоретикам предстоит принять участие в разработке новых теорий ядерных явлений, ядерных сил и элементарных частиц, что представляет назревшую задачу современной физики.

Приехавшие на заседание совета иностранные ученые отмечали большое значение прошедшей сессии, высоко отзывались о количестве и качестве выполненных в институте работ. Известный польский ученый проф. Л. Инфельд остроумно заметил, например, что в творческой атмосфере сессии он непрерывно ощущал прилив энергии, или, употребляя язык физиков, находился, так сказать, «в возбужденном состоянии», что не может не проявиться по возвращении домой соответствующей «радиацией» — излучением новых научных идей.

— Объединенный институт, — говорит в заключение проф. Д. И. Блохинцев, — налаживает все более тесные контакты с основными исследовательскими центрами по изучению ядерной физики. Он обменивается работами со многими десятками научных учреждений социалистических стран. Происходит оживленный обмен научной информацией также с физиками многих других стран. Коллектив ученых Объединенного института ядерных исследований видит свою задачу в дальнейшем овладении глубинами материи, изучении сил атома в интересах мира и прогресса.

Делегация французских физиков во главе с Верховным комиссаром по атомной энергии профессором Фрэнсисом Перреном посетила Объединенный институт ядерных исследований в Дубне.

На снимке (слева направо): директор Объединенного института профессор Д. И. Блохинцев, Фрэнсис Перрен, заместитель начальника Главного управления по использованию атомной энергии при Совете Министров СССР Д. В. Ефремов и начальник управления профессор В. С. Емельянов.

Фото Я. Рюмкина.

МИР ВГЛЯДЫВАЕТСЯ В НЕБО

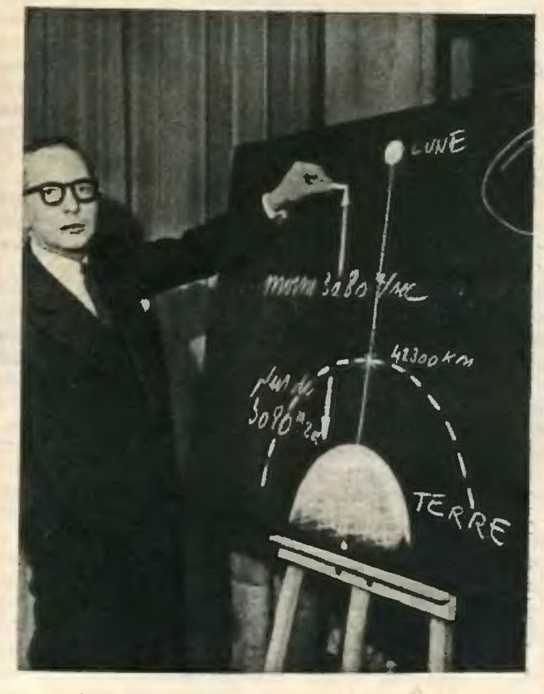
В зарубежной печати теперь часто говорится: с тех пор, как в мировом пространстве поселились советские спутники, все человечество живет, задрав голову и не отнимая от глаз биноклей. Можно находить любые образы и гиперболы, рисуя интерес к детищам нашей науки, но факт очевиден: советские искусственные луны овладели мыслями людей во всех странах.

Спутники продемонстрировали превосходство нашей науки, они доказали плодотворность изобретательства и творчества в советских условиях.

Этот полет заставил призадуматься работников «мозгового треста» в США, занятых постройкой искусственного спутника Земли — «Авангарда», как несколько опрометчиво его назвали здесь.

Один из ученых, Джеймс Нельсон, получивший кличку «Отшельник», снова уединился в лаборатории, ища решение, позволяющее «догнать русских в небе».

Во Франции люди собираются на лекции, чтобы узнать подробности о спутниках. Профессор А. Ананов, основатель французского общества астронавтов, говорит о принципах движения спутников и о перспективах полета советских ученых на Луну.

А японские ребятишки просят у своего учителя самого точного и «научного» рассказа — не зря же они остались в школе после уроков.

← Даже мода отдала дань спутникам. Вот австрийские газеты опубликовали снимок прически «Спутник», якобы получившей приз на конкурсе во Франкфурте. «Миниатюрный мотор, спрятанный в прическе, — объясняет газета, — вращает агрегат вокруг головы». Видимо, дама чувствует себя не очень-то уютно. Но что поделаешь: мода, да еще такая, требует жертв!

Признание успехов нашей науки находило самые разнообразные формы выражения. Как пишет репортер журнала «Пари-матч», в Барселоне на международной конференции по астронавтике иностранные коллеги преподнесли советскому делегату Л. И. Седову шоколадный торт в виде межконтинентальной ракеты.

На одной из площадок Эйфелевой башни тоже читается лекция, правда, менее квалифицированная, силами «добровольцев». Но и она собрала аудиторию. Даже повар ресторана вышел посмотреть на бэби-луну.

В пригороде Сиднея (Австралия) люди останавливались, чтобы проследить путь «серебряной звезды». В эти дни австралийская газета «Сан» писала: «Спутники говорят на всех языках мира, являясь величайшим достижением всего человечества, ибо чувство движения вперед может объединить воедино людей всего мира».

Фото А. Кузнецова.

Фото из журнала «Пари-матч», газеты «Вельт-прессе» и агентства «Джапэн-пресс».

ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА

4 декабря исполняется 80 лет со дня рождения народного писателя Латвии Андрея Упита.

Ниже мы печатаем один из его рассказов, который до сих пор не переводился на русский язык.

Рассказ

Андрей УПИТ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Висячая лампа догорела и собиралась погаснуть. Ее слабое мерцание, пробиваясь сквозь зеленый абажур, сливалось с бледным утренним светом, робко струившимся сквозь мерно колеблемые ветерком занавески. Длинный накрытый стол, вокруг которого в беспорядке стояли стулья, одиноко прозябал под тяжестью посуды и остатков пиршества. Белая скатерть неряшливо свисала по углам. В одном месте алело яркое винное пятно.

Отец жены уже ушел спать. Откуда-то сквозь стену слышался его здоровый, мощный храп. А почему бы ему не храпеть? Разве не он здесь хозяин? Ему ли, охмелевшему и уставшему, ждать, пока заболтавшиеся гости надумают расходиться? Для этого теперь имеется молодой муж. А коней и батрак выгонит на гумно.

Молодой муж стоял у дверей в компании трех задержавшихся гостей. Он пытался высвободить свою руку из плена чересчур крепкого рукопожатия. Но тщетно. В голове еще звучали произнесенные тосты, льстивые речи в его адрес и адрес его жены, двусмысленные пожелания болтливых стариков. Эти слова назойливо повторялись где-то в подсознании и порождали желание уединиться с женой, возбуждали то таинственное, что горело в его подогретой вином крови и стучало в утомленных праздничной суетой нервах.

Владея некоторым количеством акций, он должен будет участвовать в строительстве местной электростанции... Да, да. Что теперь, собственно, означали эти несколько десятков тысяч рублей?.. Молотилка, которую можно было использовать и как движок при пилке леса и перемола зерна. Трактор... Да, да. Теперь надо хозяйничать рационально, иначе мелким хозяйствам грозит разорение...

Мысли его оборвались, и он высвободил руку. Покосился на жену, стоявшую у окна. Свадебный наряд она уже сняла. На ней была простая серая юбка, гладкая белая кофта. Но именно в этом виде она казалась более привлекательной. Будь она немного моложе, ее можно было бы принять за ученицу выпускного класса. Она скрестила руки на груди, немного подняла голову — было ясно, что она скучает. Она, наверно, смотрела на лампу: под полуопущенными веками зеленовато поблескивали ее глаза. Спина, шея и узел светлых волос были окрашены в нежно-розовые тона. Она как будто усмехнулась? Уголки губ предательски опустились. Но выражение лица, как и прежде, оставалось серьезным. На нем читалась лишь нескрываемая усталость.

Он никак не мог побороть свою робость. В сознании его мелькнуло воспоминание о том, что в течение этой разгульной ночи он замечал странное выражение ее лица. Он как будто не давал ей повода для иронического к нему отношения. Да если и давал — в присутствии посторонних такое совершенно недопустимо. Ведь они же муж и жена! Он решил с нею поговорить. Даже сегодня. Совместная их жизнь с самого начала должна пойти по правильному руслу. О, он далеко не столь наивен и неопытен, как это им кажется... Он поспешно пожал — в который уже раз! — руки своим засидевшимся друзьям. Проводил их на крыльцо. Но когда и здесь церемония прощания началась сначала, он заметил, что и жена вышла на крыльцо. Ему снова бросилась в глаза эта ничем не оправданная внимательность к подвыпившим мужчинам. Он был ревнив, как все молодые мужья. Ее улыбка, пожатие ее руки, даже ее взгляд принадлежали только ему одному. Не в его натуре с кем-нибудь делиться. Уж столько-то она должна понимать...

Он демонстративно повернулся, оставил их на крыльце и вернулся в комнату.

В тишине мощный храп тестя, казалось, проникал сквозь все стены. Он подошел к окну. Утренняя заря красноватой пеленой закрыла небо, на фоне которого вдали зубчатым силуэтом чернел лес. Во дворе на липе щебетали птицы: но почему здесь так пусто, так холодно?.. Он огляделся. Он услышал, как его молодая жена тихо смеялась, прощаясь с гостями. Странный обычай... Странная вежливость — против собственной воли...

Он грустно улыбнулся и ушел в глубь комнаты. Притворил дверь. В спальне царил нежный полумрак, воздух был чистый, пол покрывал мягкий цветастый ковер. Никелированные шары на кроватях тускло поблескивали в полумраке. Лишь пробел в ширину скамьи отделял их друг от друга. Белые одеяла и верхние простыни откинуты... Он отвернулся, слегка нервничая. Осторожно, но тщательно притворил дверь, чтобы табачный дух не проник сюда.

А она все еще прощается... Это начало ему надоедать. Он еще немного постоял у окна, потом резко повернулся и вышел на крыльцо.

Гостей уже не было. Две телеги, грохоча, заворачивали за угол гумна в сторону шоссе. Жена сидела на верхней ступеньке крыльца. Облокотилась на колени, а голову положила на руки. Лицо ее было повернуто на запад, куда опускалась ночь, синеву которой уже робко пробивала наступавшая заря.

Ревность и возбуждение сразу улеглись. Он слегка дотронулся рукой до плеча жены. Тепло ее тела сквозь тонкую ткань ударило ему в кровь. Она была уже не очень молода и не слишком привлекательна. Но она его молодая жена, и это первый час, когда они наедине. Разве мог он оставаться равнодушным?

Видимо, она слышала, как он подошел. Но не шевельнулась. Только повернула голову. Он уже было собрался опуститься рядом с ней на ступеньку. Рука его инстинктивно скользнула вниз, чтобы привлечь ее к себе.

Но тут он взглянул ей в глаза и невольно отступил. Усталость, каприз, немую мольбу о пощаде — все это он бы понял. Но в ее глазах он прочел иронию — холодную, уничтожающую и притом нисколько не скрытую!.. Быстрый, скользящий, отчужденный взгляд... Некоторое время он стоял молча, чувствуя, что в горле у него першит.

— Ты устала?

Она ответила не сразу и как-то пренебрежительно.

— Да. А ты разве нет?

Он пожал плечами.

— Возможно. Но в чем дело?

— То есть как в чем? Да в том, что тебе пора спать.

Теперь она казалась совершенно серьезной. Он же пытался засмеяться.

— Какая ты странная.

На это она не ответила, а продолжала начатую мысль.

— Или тебе, быть может, еще нужно заняться кое-какими подсчетами? Бумага и чернила там же в спальне, в столе.

Теперь раздражение одолело его с новой силой. За кого, собственно, она его принимает? Разве он ей не муж, или он для нее просто шут какой-то?

— Ты сегодня склонна к шуткам. Хорошо. Мне иногда казалось, что у тебя ворчливый характер, а такие мне не нравятся.

— Тебе не нравятся?

Он притворился, что скрывает зевоту. Чем он мог ответить на такой тон?! Его просто лишили слова. Он ясно чувствовал, что становится попросту смешным. Он спустился с крыльца и прошелся по дорожке. Но пес, который никак не хотел признавать в нем своего, поднялся и оскалил зубы. Волей-неволей пришлось вернуться.

А вернувшись, он не взошел на крыльцо, а остался стоять внизу. Ее ноги в серых шелковых чулках и таких же серых туфельках, расшитых узорами, как две щуки, скользили по коричневым ступенькам крыльца. Локти ее отсвечивали розовым... Но ему было не до любования всем этим. Теперь иронии не было больше в ее взгляде. Полное равнодушие. Может быть, даже ненависть или нечто еще худшее блеснуло в ее глазах, но они сразу же прикрылись веками.

Он стоял, словно шут. Сказал и даже не понял смысла своего вопроса:

— О каких подсчетах ты говоришь?

— О твоих. Молотилка, пилорама, мельница, трактор, рациональное хозяйство... А со своими соседями ты уже все эти дела согласовал?

Он рассердился. Даже покраснел.

— Брось глупости. Я хочу спать. Уже поздно.

Она пожала плечами.

— А я не хочу. По-моему, еще рано.

Он больше не мог сдерживать себя. Нагнулся и крепко схватил своими влажными руками ее руку.

— Пошли!

С нескрываемым отвращением на лице, во всей фигуре она вырвала свою руку.

— Пусти! Ты ведешь себя, как дикарь!

— Ты сама виновата в этом!

— Я?.. Это как же понять?

Она смотрела на небо, где оранжево-фиолетовая полоска тянулась уже по всему горизонту. Потом взглянула на него своими ледяными синими глазами, которые сковали его в унизительной злобе и бессилии. Говоря, она ни разу не опустила глаза. Несмотря на это, ему с самого начала казалось, будто она смотрит куда-то мимо, как бы сквозь него.

— Ты приходишь в неистовство, когда я говорю о твоих подсчетах. Зря. Разве ты можешь отрицать, что они для тебя важнее всего, что о них ты думаешь больше всего, думаешь с того самого дня, как стал приходить к нам? Только не перебивай меня! Мы ведь отлично знаем друг друга. Не будем начинать первый день нашей совместной жизни с притворства. Жену ты и в другом месте взять мог. Но дом и деньги для твоих широких планов имеются только у меня и у моего отца — а это одно и то же. Поэтому ты с таким упорством добивался и добился своей цели.

— А ты своей.

— Совершенно верно. У меня были свои планы. Но не это важно сейчас, и не об этом мы говорим.

— Нет. Уж коли судьба нас таким образом свела, то стоит поговорить о наших общих планах. Мы оказались вместе, мы должны делиться друг с другом. Поговорим сейчас же, пока еще не поздно.

На мгновение в глазах ее опять зажглись иронические огоньки.

— Прошу тебя, оставь сентименты. Они совершенно не идут к тебе. Ты хотел бы, чтобы мы здесь поговорили и о любви, о взаимном тяготении сердец, о мистическом слиянии? Но разве нам с тобой не известно, что все абстрактные теории существуют лишь для того, чтобы скрыть правду жизни? А с какой стати нам скрывать ее друг от друга? Разве мы не муж и жена? Разве простая правда не более достойна честного человека, нежели красивая и лживая иллюзия? А что ты человек честный, в этом я никогда не сомневалась. Иначе я не стала бы твоей женой.

Ты упомянул о моих планах. Я удивляюсь, что ты только теперь понял их. Признаться, это меня немного разочаровало. Я считала тебя умней и прозорливей. А выясняется, что ты принадлежишь к той самой банальной категории мужчин, которые в женщине видят лишь то, что им хочется видеть. Это нечто вроде добровольного заблуждения, и поэтому особенно гадко. Мои планы просты и ясны. Мне уже за тридцать. А положение старой девы в наше время и в нашем обществе тебе известно. Это прочитанная книга, которой никто не интересуется. Потемневший металл, в ценность которого никто не верит...

Прошу тебя, потерпи! Ты сейчас намеревался говорить о симпатии и тому подобных вещах. Что же, это разговор дельный. Но не в этом суть. Конечно, мне симпатичен человек, который помогает осуществлению моей мечты. Да и тебе также. Но симпатии — это сахар в стакане чая. Симпатии — это лента на моем поясе. Лучше поговорим о главном.

Он перебил ее, но голос его был каким-то беззвучным:

— Получается, что я искал лишь твоего приданого... Лишь для того, чтобы спокойно заниматься подсчетами, чтоб разбогатеть. Мне твои планы непонятны. Нет, они мне совсем непонятны...

— Но как же ты мог разбогатеть один? Разве я тебе не жена? И разве я, не обдумав, отдам тебе то, что принадлежит только мне? Нет, твои подсчеты нужны нам обоим. Я знаю тебя и отлично разбираюсь в твоих способностях. Но уважаю ли я тебя именно за них — это вопрос другой.

Он отступил на шаг, злоба трясла его.

— Этого еще не хватало! Значит, мне надлежит играть роль зарабатывающей машины? Ничего себе задачка!.. Мне кажется, нам лучше развестись и разойтись, пока еще не поздно.

Она повторила с нескрываемой издевкой в голосе:

— Пока не поздно!.. Боже, какой трагический тон! Почти как у писателя-лирика. Да и ханжества столько же. Пока не поздно! Ты имеешь в виду время, когда мы встанем после того, как вместе ляжем спать?.. Не волнуйся. Мне сдается, что еще долго после этого не будет слишком поздно... По крайней мере, у меня нет никакого желания спешить с тем, что может провести эту грань... Да, да, я понимаю, что такое тебе не очень-то приятно слушать. Но что поделаешь? Я не вижу никакого основания приспосабливать свои стремления к твоим.

Ты хотел мне грозить. Видишь, как отлично я прочитала твои мысли... Но это пустяки. Никуда ты не уйдешь. Для этого нужно быть в три раза храбрей и обладать такой же дозой гордости, а это современным мужчинам не свойственно. Вы все торговцы. Брак для вас — та же сделка. И ничто вас не пугает так, как банкротство. Поэтому ты останешься и все вытерпишь, хотя я не могу быть столь ласковой и покладистой, как тебе этого хочется. Мне кажется, что со временем ты все же привыкнешь. Огорчать тебя сознательно у меня нет ни малейшего желания. Ведь я в этой сделке равный партнер.

Он почувствовал, что вот-вот даст ей затрещину. Подобного цинизма он в жизни своей не видел. И это его жена! Он сделал попытку огрызнуться:

— Не лучше ли нам переселиться куда-нибудь в Конго или к бушменам? Мы бы почувствовали себя там среди единомышленников.

Мысли увели ее куда-то далеко. И лишь временами она улавливала смысл его речи.

— Ты думаешь, к дикарям? О, нет! Там бы мы оказались совершенно чужими. Мы для них антиподы. Но гордиться этим у нас нет ни малейшего основания. По крайней мере нам, женщинам. Дикарь крадет себе жену. Иногда при этом он рискует жизнью. Это мужество, это по-рыцарски, это высшая этика, на которую способен мужчина. Но чаще всего он ее себе покупает. За дорогую цену и наличными. Для этого он должен отдать четырех коров, может быть, лодку, или нож, или какой-нибудь другой ценный предмет. Половину своего имущества дикарь отдает за жену. При этом он не забывает, во что она ему обошлась. Он бережет ее так же, как собственную жизнь. И она не забывает, сколько за нее заплатили. Мне кажется, что нет другой женщины, которая так бы уважала своего мужа, как дикарка. Нет другой женщины, которая имела бы право так гордиться своим мужем, как дикарка.

Ну, а мы! Нам нашептывают о всяческих чувствах и сердечных влечениях, а в действительности только и делают, что подсчитывают в уме, сколько у нас приданого. А что делаем мы? Что мы можем, по сути дела, сделать? Мы те, кто покупает себе мужей. Просто, без всяких обиняков, часто даже немилосердно торгуясь при этом. Точно так же, как мы покупаем себе шубу или мебель. Разве ты можешь это отрицать? Не можешь ведь.

Да и чего же вы после всего этого можете от нас ждать? Так называемой любви? Если у нас вдруг появится такое же влечение, как и у вас, то вы должны быть довольными. Вы, как дети, жаждете ласкового слова. На это вы можете рассчитывать. А еще что? Уважение? А за что, собственно, нам вас уважать? Разве мы не купили вас точно так же, как купили себе шубу или мебель? Вы порою даже ждете восторгов. А чем, собственно, вы рисковали, какую мужскую добродетель при этом проявили?..

Она неожиданно оборвала свою речь. Она взглянула на его сломанную, потрясенную фигуру такими глазами, что у него появилось ощущение, будто почва уходит у него из-под ног. Потом она встала и расправила согнутую спину.

— Можешь идти спать. Если хочешь, можешь сидеть и ждать. Мне спать не хочется. Я пойду немного пройдусь.

И она прошла мимо него. В лицо ему ударил запах жасмина от увядшей ветки, приколотой у нее на груди. Гравий скрипел под ее ногами. Пес, прыгая вокруг нее, провожал ее.

Он тяжело поднялся на крыльцо и остановился у двери. Неужели не пожалеет и не вернется? Нет. Шагов больше не слышно.

Он вошел в комнату. Тесть за стеной уже поднялся и что-то раздраженно бормотал. Над столом с остатками яств кружились мухи. В этой пустой, накуренной, покинутой людьми комнате после свежего утреннего воздуха духота казалась особенно противной.

Он был унижен, осмеян, оплеван. Нужно уходить. В его распоряжении не более часа. Пока она еще не успела вернуться...

Он приоткрыл дверь в спальню. Постели белели откинутыми одеялами и верхними простынями. Ковер на полу алел в лучах утреннего солнца... Ладонь его будто прилипла к дверной ручке. Он снова затворил дверь и тяжело-тяжело вздохнул.

«Нужно уходить, нужно уходить!..» — звенело в его ушах, вертелось в голове. Не может же быть, что правда на ее стороне. Что он, собака, которую запросто можно пнуть ногой?.. Разве то, что ждет его здесь, похоже на жизнь? Разве таким бывает первое утро после свадьбы?

Но в чем дело? Кто усадил его к залитому, заставленному объедками столу? Где-то далеко в подсознании пульсировала мысль: нужно уходить. Но он не вставал, не уходил. Он сидел, сгорбившись, тупо уставясь в одну точку. Казалось, что винное пятно на скатерти становится все больше и больше. Мухи взлетали, потом снова садились на него, как в болотистую лужу.

1923.

Перевела с латышского Татьяна ИЛЛЕШ.

Народный писатель Латвии Андрей Упит.

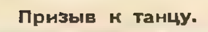
К 80-летию со дня рождения.

Фото Я. Рюмкина.

ТАНЦЫ

Момент женского танца.

Призыв к танцу.

Оркестр женского танца, изображающего движущийся поезд.

Мимическая сцена.

ПЕНДЖАБА

Балвант ГАРГИ,
индийский писатель

Танцы, возможно, являются одним из наиболее ранних проявлений человеческой радости, и совершенно бесспорно, что все народные танцы берут начало в ритмичном процессе труда. Посев, сбор урожая, охота, гребля — все это отражается в пластичных движениях танца, являющегося выражением общественного бытия народа. Я видел цыганские танцы и хороводы и сам принимал в них участие. Видел узбекских, таджикских, грузинских танцоров, гарцующих, словно буйные кони, притопывающих каблуками, вертящихся волчком в упоении пляски. Страстность и порыв этих танцев напомнили мне народные танцы моей родины.

В Пенджабе — северной провинции Индии, откуда я родом,— наиболее популярным танцем является бангра. Его обычно исполняют после снятия урожая, когда крестьяне, завершив уборку, празднуют окончание всего круга сельских работ. Они приходят на ярмарку, ведя откормленных быков и коров с раскрашенными киноварью в красный цвет рогами. Торговцы украшениями нараспев расхваливают свой товар. Женщины в разноцветных шалях, отороченных золотом и серебром, тоже спешат на ярмарку, распевая хором песни; идет бойкая торговля. Вся эта пестрая жизнь проходит перед вашими глазами. Но вот раздаются звуки барабана — призыв к танцу! Начинают пляски крестьяне в ярких тюрбанах, туго накрахмаленных и причудливо завязанных, с торчащими вверху концами. Усы этих франтов тщательно завиты и смазаны благовонными маслами, вокруг шеи ожерелья из бубенчиков, жилеты и рубахи расшиты мелкими ракушками, а техмиды охватывают бедра наподобие длинной, спускающейся почти до земли юбки. Вот мужчины начинают собираться в круг, влекомые непреодолимой силой ритма. Они идут цепочкой по кругу — глаза смеются, плечи подрагивают. Широким жестом они раскидывают руки и, расставив ноги, высоко прыгают вверх с дикими возгласами «Ураaa!».

Музыкант деревянными палочками неистово выстукивает дробь на дхоле — барабане, горизонтально подвешенном на шее. Охваченные экстазом танцоры, кружась, как подхваченные вихрем, издают гортанные звуки, громко хлопая в ладоши. Темп танца все нарастает. Нарастает и неистовая барабанная дробь, и танцоры то и дело взвиваются в прыжке. Затем солист выходит вперед. Высоко подняв одну руку, приложив к уху другую, он начинает петь:

...Золотое кольцо блестит у тебя
в ноздре, моя дорогая.
Хрустальные браслеты обхватывают
руки твои.
Глаза твои темны, как ночь!
Ты покачиваешься, словно лиана,
О, моя дорогая...

Все подхватывают последнюю строфу — рефрен песни — и снова уносятся в вихре танца, буйно притопывая ногами, увешанными звенящими бубенчиками. В этом танце может участвовать неограниченное количество людей — от десяти до двухсот, только круг становится все шире и шире.

Пенджаб — эта плодородная долина между пятью реками, расходящимися подобно пальцам руки,— всегда был житницей Индии. Почва Пенджаба взрастила брызжущие особенным задором песни и танцы. Его рослые сыновья, крепкие и коричневые, как сама земля, храбрые и свободолюбивые, часто посылались в далекие края на защиту британских империалистов. Крестьянин был вынужден за несколько рупий надолго покидать семью, а жена с плачем ожидала его дома. Женщине было известно только одно: мужа увез поезд — создание англичан. И весь ее гнев был поэтому направлен против поезда, который для нее был символом британского гнета, тяготевшего над ее родной деревней. Женщина пела:

Ты увез молодость нашей деревни.
Крестьянки плачут и проклинают
тебя...

...В лунную ночь женщины собираются во дворе. Одна из них, присев на корточки и обмотав вокруг коленей шнур двухстороннего барабана, выбивает ритм, другая ударяет по железным щипцам, на которых подвешены медные колокольчики; остальные бьют в ладоши, окрашенные хной, и поют. Затем две женщины выходят в круг, изображая, как движется поезд, и подражая паровозному гудку: «Хуу-хуу-хуу-хуу!». Звуки оркестра, состоящего из барабана, колокольчиков и щипцов, плеск ладоней женщин, песня — все переплетается друг с другом. Быстрый темп этого старинного танца чарует вас, зрителя.

Все эти танцы составляют неотъемлемую часть религиозных и бытовых обрядов крестьян. Радость и горе народа, смех и слезы — все отражено в песнях и танцах. Многие песни сопровождаются мимическими сценками-дуэтами: мужчины и женщины изображают ростовщика и крестьянина или короля и вора, охотника и дичь, крестьянина и хлебный колос. Особенно достается ростовщику: его жестоко высмеивают:

Ростовщик расселся со своим
длинным свитком счетов.
Его лавка чисто выбелена, и у него
новенькие весы и гири.
Он дерет с меня за сир[1]
коричневого сахара две рупии.
Да будет проклята его лавчонка!

Или еще сценка: крестьянина тащат в суд по ложному обвинению в краже. По всей вероятности, он участвовал в возмущении против помещика (такие случаи бывают), и тогда того или иного крестьянина обвиняют в убийстве или контрабанде. Донос услужливо состряпает полиция. И вот жена пострадавшего бросает бесстрашно вызов «законникам», заявляя:

Мой муж — борец, а не вор,
господин!
Старосту подкупил помещик
за двадцать рупий.
Понюхай его усы — от них разит
вином...

Животные, птицы, деревья, реки, луна и придорожные растения — все одухотворено крестьянами, все влияет на течение их жизни. Ворон — вестник, он предвещает счастье. Когда ворон каркнет, сидя на изгороди, это значит, что любимый спешит на свидание. Женщина в ожидании супруга с поля брани поет:

О, ворон,
Лети к моему милому
И отнеси ему весточку...

Танцуя, женщины переступают быстрыми шажками, кружатся, их широкие юбки развеваются, принимая причудливые очертания и подчеркивая прелесть и изящество танца.

Танцы мужчин энергичны и сильны, как и их мускулы. Когда исполнители бангра извиваются в огненном танце, кажется, что искры летят от наковальни кузнеца-великана. Танец этот — само выражение мощи и силы древней пенджабской культуры.

[1] Сир — около килограмма.

Писатели и книги

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В 1958 ГОДУ

Много интересного в будущем году даст читателям Гослитиздат. Выйдет более 600 книг. Значительно увеличиваются подписные издания. Подготавливается новый тип издания массовых собраний сочинений, которые будут начаты и закончены за один год. Намечены к изданию произведения Л. Толстого и Н. Некрасова, которые выйдут большими тиражами и будут распространяться не только по подписке, но и продаваться в розницу комплектами и отдельными томами.

Чем же еще порадует издательство подписчиков?

Готовятся к изданию собрания сочинений В. Жуковского, М. Салтыкова-Щедрина, А. К. Толстого, К. Станюковича, А. Серафимовича, Ф. Гладкова, В. Иванова, Ф. Панферова, Н. Тихонова, А. Н. Толстого, Ю. Тынянова, Д. Фурманова, А. Фадеева, Шолом-Алейхема.

Из сочинений зарубежных авторов выйдут подписные издания М. Твена, М. Конопницкой, К. Чапека, Л. Арагона, Т. Манна, Го Мо-жо, а также арабские сказки «1001 ночь».

По разделу литературы и критики в издательский план включены книги по теории и истории литературы, по злободневным вопросам советской литературы.

Большое место в плане займет литература братских народов.

Как и в прошлые годы, будут широко издаваться книги писателей стран народной демократии.

Значительно расширены издания восточных литератур. Наряду с произведениями китайских, индийских и японских авторов в плане значатся книги писателей арабских стран, Турции, Ирана.

Будут изданы в одном — двух томах избранные сочинения русских и советских писателей: А. Бестужева-Марлинского, С. Гусева-Оренбургского, Д. Фонвизина, Вас. Немировича-Данченко, А. Эртеля, Д. Бедного, Б. Лавренева, Л. Сейфуллиной, С. Третьякова, Л. Рейснер, Айбека, М. Ауэзова, Р. Блаумана, Э. Вилде, Н. Заряна, М. Ибрагимова и других.

Кроме того, подготавливаются сборники и антологии латышских, эстонских, белорусских, курдских и чукотских писателей и поэтов.

Выйдет много отдельных произведений зарубежных писателей: П. Бурже, А. Додэ, Э. По, Ж. Санд, О. Уайльда и других. В двух томах будут изданы французская новелла XIX века, американская новелла, английские и французские народные сказки.

В серию «Зарубежный роман XX века» включены произведения Д. Олдриджа, Э. М. Ремарка, Л. Фейхтвангера, Р. М. Дю Гара, Р. Олдингтона.

Гослитиздат предпринимает издание ряда произведений в новом оформлении.

До сих пор Главполиграфпром Министерства культуры СССР не шел на коренное изменение оформления книг. Его типографии не хотели отступать от установленных стандартов, не желали пользоваться никакими переплетными материалами, кроме ледерина и коленкора, не добивались производства новых шрифтов. С переходом полиграфических предприятий в совнархозы есть надежда на значительное улучшение оформления книг.

В этом году в московской типографии «Красный пролетарий» начаты поиски нового в оформлении художественной литературы. Типография выпускает несколько малотиражных книг, рассчитанных на библиофилов и предназначенных для подарков. В новом оформлении уже вышло несколько томиков «Библиотеки советской поэзии». По-новому оформлена книга Гете «Страдания молодого Вертера». Недавно поступила в продажу отлично оформленная книга «Цыганы» А. Пушкина с иллюстрациями молодого художника И. Богдеско, в производстве находятся «Руслан и Людмила» с иллюстрациями Т. Мавриной. Для таких изданий используются высокие сорта бумаги, новые переплетные материалы: кожа, сафьян, шелк, репс, рогожка; лакируются суперобложки; применяются тиснение, золоченый обрез; изыскиваются разнообразные шрифты.

В свое время Л. М. Леонов беседовал с А. М. Горьким об организации хотя бы небольшой типографии, которая выпускала бы отлично оформленные книги на превосходной бумаге, «чтоб теплился огонек полиграфического качества». Пора бы выполнить пожелание великого пролетарского писателя и выделить Гослитиздату типографию, где художники и полиграфисты могли бы экспериментировать, создавая образцы высококачественного, разнообразного оформления книг.

М. АМШИНСКИЙ

Подарочное издание романа Гете

Аппарат-сшиватель в действии.

ОРУЖИЕ ХИРУРГА

Л. ЛЕРОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Фото А. ШАЙХЕТА.

Впервые мы знакомились с этим институтом, сопровождая гостя из Франции — господина Рьетора, генерального директора фирмы «Узифруа». Инженер по специальности, он вот уже несколько лет работает над проблемой искусственной почки. Узнав о существовании в Москве Института экспериментальной хирургической аппаратуры и инструментов, француз пожелал побывать в нем. Ему любезно показали все, чем богат институт. Вначале гость был довольно сдержан, но в одной из лабораторий не выдержал и воскликнул: «О, это великолепно!»

Господину Рьетору показали аппарат, имитирующий работу сердца и легких. «Я видел нечто подобное в Англии и Франции,— заявил француз.— Вы их опередили».

Что же это за машина, вызвавшая восторг гостя из Франции? У нее есть своя большая история. Четверть века назад мир узнал о поразительных опытах советского ученого С. Брюхоненко: голова собаки, отделенная от туловища, продолжала жить. «Чудо» это свершилось благодаря искусственному сердцу. Аппарат Брюхоненко год от года улучшался, его применял видный хирург Н. Теребинский при операциях на сердце у животных, а сам автор — в экспериментах по оживлению организмов.

Дело не только в том, чтобы сконструировать насос, который заставит циркулировать кровь. Задача оказалась куда сложнее. Как уследить за количеством крови, протекающей через сосуды, как контролировать кровяное давление в те напряженные минуты, когда вместо настоящего сердца начнет действовать механическое, и автоматически поддерживать давление на заданном уровне? Много таких вопросов встало перед инженерами и врачами института.

И вот господину Рьетору показывают новейший советский аппарат, сочетающий в себе «сердце», «легкие» и «нервы». Он снабжен электронной автоматикой, которая позволяет организму, подвергшемуся операции, управлять механическим сердцем.

...Несколько минут назад хирург ввел в вены, приносящие кровь в сердце, идущие от аппарата катетеры — трубки. Аппарат стал отсасывать венозную кровь и посылать ее в искусственные легкие, где она непрерывно насыщается кислородом и превращается в кровь артериальную. Из искусственных легких аппарат толчками — как и сердце — нагнетает кровь вновь в организм через подключичную артерию. Сердце больного отключено и осушено. Вступил в строй его металлический собрат.

Начинается сложная операция внутри сердца.

Не впервые хирург проникает сюда. И тем не менее сегодня все здесь для него необычно. Он привык к другому: вскрыв сердечное ушко с очень тонкими стенками, врач осторожно вводит туда свой палец или инструмент, чтобы на ощупь, расширить суженное отверстие. Сердце в это время продолжает работать. Кровотечение из вскрытых полостей мешает хирургу.

...Но вот аппарат выключил сердце из кровообращения, временно приняв на себя его функции. Теперь можно спокойно вскрыть сердце, и кровь не хлынет из него. Пусть вас не смущают тревожные сигналы, поступившие на пульт аппарата с надписями: «Вена», «Артерия», «Пульс». Да, действительно, упало кровяное давление. Но не волнуйтесь, в аппарате есть «нервы» — электронные автоматы, которые отреагируют на сигналы организма. Смотрите, уже изменился режим работы аппарата, и приборы показывают, как поднялось кровяное давление.

Между тем приблизился тот момент, когда аппарат уже не нужен. Он постепенно отключается, кровь снова идет нормальным путем. Вступает в строй теперь уже прооперированное сердце. Хирург успел сделать свое дело, во имя которого и трудились создатели этого чудесного аппарата. Многократными опытами на животных доказано, что механическое сердце способно в течение 50—60 минут безотказно выполнять свои функции.

Танталовая скобка

Аппараты искусственного кровообращения, предвещая подлинную революцию в хирургии, еще не поступили на вооружение врачей. Но институт открыл им большие перспективы.

Испокон века врач, сшивая кровеносные сосуды, действовал иглой и шелковой ниткой. Работа эта считалась тонкой, ювелирной, требовала большого опыта и ловких рук и далеко не каждому хирургу удавалась. А нельзя ли механизировать этот процесс? «Можно!» — заявили в институте. Группа инженеров и врачей под руководством В. Гудова разработала и предложила аппарат, в принципе сходный с обычным канцелярским сшивателем бумаги. Его обойма заряжена П-образными крохотными скобками из тантала — редкого металла, практически не вызывающего в тканях никакой воспалительной реакции, что выгодно отличает его от шелковой нити. Достаточно нажать рычажок аппарата, чтобы на концы рассеченного сосуда мгновенно по всей его окружности был наложен шов из танталовых скобок. Позднее этот замечательный аппарат был усовершенствован, стал проще, доступнее хирургам.

Такие сшиватели теперь встретишь во многих советских клиниках. Врачи расскажут о сложнейших операциях, успех которых во многом решали эти аппараты. Их знают и за рубежом. Когда гости конгресса английских хирургов — советские медики — показали такой аппарат делегатам, те долго рассматривали его с нескрываемым удивлением и восхищением. Газеты сообщали о чуде советской медицинской техники, а тот счастливчик, кому достался сшиватель сосудов, отправил в СССР письмо, полное благодарности.

Недавно в США происходил международный конгресс по сердечно-сосудистым заболеваниям. И там произвел фурор демонстрировавшийся советскими уч[е]ными аппарат для сшивания кр

веносных сосудов. Делегаты отмечали, что аппарат этот позволяет делать такие операции, которые за рубежом до сих пор еще не были осуществлены.

Сконструированные в институте различного типа сшиватели сосудов демонстрировались на двенадцати международных выставках, но ни с одной из них не вернулись домой: они были закуплены или подарены.

Что же, в добрый путь! Советские врачи и конструкторы не делают секрета из всего того, что служит здоровью человека.

На том же принципе в институте разработан еще ряд шьющих аппаратов-автоматов.

После операции удаления легкого у больного остается так называемая культя бронха. Ее надо обязательно сжать и зашить, чтобы вдыхаемый воздух попадал в оставшееся легкое, но не просачивался через культю удаленного бронха: иначе гибель. Легко представить, какое мастерство требуется от хирурга и сколько времени, усилий должен затратить врач, чтобы добиться идеальной герметичности при ушивании бронха, если он действует вручную иглой и ниткой. Теперь в руках у хирургов не игла с ниткой, а напоминающий большой гаечный ключ аппарат с маркой экспериментального института. Надо подвести клюв аппарата под бронх, нажать рукоятку, и танталовые скобки сразу и накрепко прошивают культю бронха.

Техника может и должна облегчить, упростить и, если хотите, — мы не боимся употребить это слово — «механизировать» труд врача, о котором иногда принято говорить: «Он виртуоз, художник, мастер тончайших операций». Техника может и должна открыть дорогу к тончайшим операциям, сделать их доступными не только маститым, но и рядовым хирургам и тем самым приблизить так называемую большую хирургию к периферии. Заслуга института в том и заключается, что он подчинил этому важному принципу свою деятельность.

...Идет операция. Врач пересекает мелкие кровеносные сосуды. Их надо немедленно перевязать, чтобы остановить кровотечение. Задача решается легко, когда сосуды расположены где-то на поверхности раны. Сложнее, когда надо проникнуть куда-то в глубину тела, где движение рук стеснено. Хорошо, конечно, если руки эти принадлежат к числу тех, о которых говорят «золотые». Ну, а каково молодому врачу? Его выручает аппарат, словно удлиняющий руки хирурга, делающий их искуснее. Надо только подвести такой аппарат под кровоточащий сосуд. Легко нажата пуговица штока — и вытолкнутые из магазина танталовые скобки загнулись петлей, прочно схватив сосуд. Дело сделано надежно и в три — четыре раза быстрее обычного.

...Тяжелая операция уже близилась к концу, когда сердце неожиданно сбилось с правильного ритма, началось беспорядочное конвульсивное сокращение отдельных волокон сердечных мышц, исчез пульс, началось так называемое трепетание — фибрилляция, перед которой пасуют и опытные хирурги. Вот-вот сердцебиение совсем прекратится, и наступит смерть. И снова на помощь приходит техника — дефибриллятор, подающий на сердечную мышцу однократный электрический импульс высокого напряжения — до 6 тысяч вольт. Под его действием произошло мгновенное сильное сокращение сердца — первое, затем второе, третье — и оно вновь начало ритмично действовать. Жизнь спасена.

Атташе от медицины

Их свыше ста — инструментов и аппаратов, сконструированных и изготовленных в институте. Год назад состоялась научная сессия, на которой был заслушан отчет о работе института за пять лет. Открывая ее, заместитель министра здравоохранения СССР товарищ П. В. Гусенков заявил, что значительные успехи института — результат объединенных усилий врачей и инженеров. Для многих присутствовавших это заявление прозвучало как еще одно подтверждение: да, путь был выбран правильный.

Гость из Франции, осмотрев институт, заявил: «Наибольшее впечатление на меня произвело то обстоятельство, что в одном учреждении сотрудничают инженеры и врачи. Для нас это серьезная трудность — свести вместе людей разных профессий. Во Франции мы предпринимаем попытки создать нечто подобное вашему институту, но это нелегко: врач и инженер — в одной лаборатории...»

Лет пять назад и у нас шли споры, можно ли создать научный институт, в котором органично сплелись бы, казалось, необъединимые силы — медицина и техника. Принято было считать так: дело врача — дать промышленности заказ на требуемый инструмент, высказать свои идеи, пожелания; дело конструктора — воплотить все это в металл. И вот в Москве впервые в практике подобных учреждений был создан институт, нарушивший издавна установившийся принцип.

Мы беседуем с директором этого, казалось бы, сугубо технического учреждения, хирургом Михаилом Герасимовичем Ананьевым, который образно называет себя «атташе от медицины».

— Я возглавляю коллектив, две трети которого — инженеры, техники, мастера и рабочие высокой квалификации, а одна треть — медики, хирурги. Их объединенными усилиями и куется оружие врача. Я действительно чувствую себя своеобразным атташе от медицины, который следит за тем, чтобы все в этом оружии было совершенно, прежде всего с позиций интересов больного и врача.

Как рождаются в институте новые аппараты?

Идея, высказанная врачом, подхватывается инженером, и вот они уже вместе составляют то, что принято называть медико-техническими требованиями. А далее они неразлучно стоят у колыбели нового инструмента, разделяя радость удачи и горечь поражения. Вначале их вместе видишь в конструкторской лаборатории, а затем на первом этаже, в экспериментальной мастерской, где они что-то обсуждают со слесарем или токарем. Пройдет время, и, облачившись в белые халаты, они поднимутся на верхний этаж, в операционную. Начинается тщательная проверка новой модели на животных. Только после многих экспериментов врач и инженер отправятся со своим детищем в соседний дом, в Ростокинскую больницу, ставшую клинической базой института, чтобы применить здесь созданную ими конструкцию. Больного оперирует хирург, место ассистента займет его соавтор — инженер, а на следующее утро оба они поспешат к постели больного, чтобы убедиться: операция прошла хорошо. Еще несколько таких операций, проведенных в крупнейших клиниках Москвы, Ленинграда, — и новый вид оружия врача поступит на суд институтского ученого совета, где атташе от медицины скажут свое решающее слово: «Можно начинать массовое производство».

Мало, потому что дорого, дорого, потому что мало

Нам уже рисуется такая картина: где-то далеко на Севере в маленькой больнице ведет сложную операцию молодой хирург: сшивает тончайшие кровеносные сосуды и нервы. Он действует быстро, точно, уверенно, ибо в его руках аппарат, доступный любому врачу, даже не имеющему большого опыта. Мы написали «доступный любому» и задумались: доступен ли?

— Да, доступен любому, поскольку им действительно с успехом может пользоваться каждый

В цехе экспериментального завода при институте медики и производственники осматривают детали нового экземпляра аппарата для искусственного кровообращения. Слева направо: главный инженер В. Жуков, хирург С. Мушегян, директор института М. Ананьев, мастер А. Казаков.

Идет операция на собаке с применением аппарата искусственного кровообращения.

хирург, даже невысокой квалификации.

— Нет, недоступен любому, поскольку аппарат этот, как и десятки ему подобных, встретишь пока лишь в немногих больницах и клиниках страны.

Почему? В поисках ответа на этот вопрос мы отправились в Ленинград, на Петроградскую сторону, туда, где высятся корпуса старинного завода медико-хирургических инструментов «Красногвардеец». Ему столько же лет, сколько и отечественной медицинской промышленности. В заводском музее мы прочли указ Петра I, повелевшего «инструментального дела мастеру Ивану Султанееву образцового инструмента сделать в мастерской избе на Аптекарском острову». В 1738 году Медицинская канцелярия вынесла решение прекратить выписку «лекарских инструментов» из-за границы, поскольку «усмотрено, что оных инструментов... прибыточнее делать здесь». Более ста лет назад во главе завода стоял великий хирург Н. Пирогов, и с гордостью за русских умельцев писал он, что изделия их «по всей справедливости могут служить образцами для заграничных мастеров».

И вот покидаешь музей, переносишься из прошлого в настоящее, беседуешь с директором завода тов. Г. Будаговым и с горечью узнаешь: кое в чем мы еще отстаем. Не обидно ли?

Сшиватели сосудов, пользующиеся ныне поистине всемирной славой, выпускаются «Красногвардейцем» в мизерных количествах, если учесть нашу великую армию врачей: за два года — сто штук. И думается, что меньше всего виноват в этом сам завод, его высококвалифицированный коллектив.

— Нам, конечно, приятно,— говорит Г. Будагов,— что «Красногвардеец» считают передовым, ведущим заводом медико-инструментальной промышленности. В наших цехах делают сложные медицинские приборы и аппараты, никогда ранее не выпускавшиеся в СССР. Но нельзя признать нормальным такое положение, когда одно сравнительно небольшое предприятие должно изготовлять аппараты, приборы и инструменты — 371 наименование! — вторгаясь в 30 различных направлений современной медицины. О каких поточных линиях может идти речь при таких условиях! Мы согласны взяться за самые сложные конструкции, мы быстро переключимся на массовое их производство, но как одновременно выпускать сотни видов изделий? К примеру, сшиватели сосудов. Это инструмент высшего класса точности. Требуется специальный цех для его освоения. Между тем завод, выросший по сравнению с довоенным временем по выпуску продукции в шесть раз, работает на тех же площадях. Вот и даем такое малое количество сшивателей.

— Но тогда они и по цене не очень-то доступны?

— Да, дороговаты, — соглашается Будагов. — И это тоже заставляет нас пока ограничиваться малыми сериями — на 1957 год всего лишь 150 штук.

И тут выясняется еще одно любопытное обстоятельство.

Если в институте, где сшиватели сосудов делают почти вручную, в индивидуальном, опытном порядке, они стоят 6—7 тысяч рублей (это тоже очень дорого), то на заводе — 10—11 тысяч рублей. В чем дело? Все объясняется просто: накладные расходы на «Красногвардейце» выше, чем в институте. Эти расходы окупились бы с лихвой, если бы производство сшивателей стало действительно массовым. А пока...

— Создался заколдованный круг,— разводит руками директор института М. Ананьев.— Завод выпускает мало сшивателей, и поэтому они дороги. А дороги они потому, что их выпускают мало. Вот вам и загадка...

Где же выход? Многое должен сделать и сам институт. При конструировании новых аппаратов и, в частности, сосудосшивателей далеко не в полной мере учтен технологический фактор, а значит, и экономический. Недавно созданный здесь технический отдел занялся сейчас пересмотром конструкции сосудосшивателей с точки зрения технологии производства, что, конечно, позволит удешевить их.

Но главное не в этом. Главное в непомерно раздутой номенклатуре изделий.

М. Ананьев рассказал нам об одном очень полезном начинании института:

— Список изделий, выпускаемых ныне медицинской промышленностью, складывался стихийно, порой в связи с пожеланиями того или иного хирурга. Инструмент, предложенный много лет назад каким-нибудь врачом, входил в практику, его включали в производственный план. Включили — и выпускают до сих пор, хотя он уже давно устарел. Техника-то движется вперед! Несколько месяцев назад на ученом совете мы утверждали набор инструментов для желудочно-кишечной хирургии. В первом варианте предложенного набора значилось 57 наименований. Когда присмотрелись к ним внимательнее, то оказалось, что нужда в 24 из них давно отпала.

Наша медицинская промышленность выпускает ныне более 2 тысяч наименований различных инструментов и аппаратов для хирургии и смежных с ней областей. Мы утверждаем, что количество их можно значительно сократить. Занялись пересмотром всей этой номенклатуры. Это один из важных резервов медицинской промышленности, которая испытывает серьезные трудности: предприятий недостаточно, а спрос на их изделия во много раз превышает предложение. Трудно даже представить, какой здесь создался разрыв! Меня как-то пригласили на съезд врачей в одну из республик. Дай, думаю, покажу делегатам наши новинки, порадую их. А что вышло? Не порадовал, а только раздразнил. «Где их, ваши сшивающие аппараты и дефибрилляторы, купить можно?» Спрашивают, усмехаются и сами отвечают: «Да у нас простые ножницы, зажимы в аптеке не всегда получишь!» Когда меня на другой съезд врачей пригласили, в Куйбышев, я предусмотрительно заявил руководителям аптечного управления: «Нет уж, извольте рядом с нашей выставкой новинок показать, что промышленность уже сегодня и в массовых количествах выпускает». Зачем людей дразнить? Я им дефибриллятор покажу, а их только десять штук в 1957 году выпустят. Министерство предполагает массовое производство начать лишь в 1958 году. А к тому времени конструкция устареет, мы новую предложим. Так-то вот практически получается...

Директор тяжко вздыхает и резюмирует:

— Заметно отстает наша медицинская промышленность от роста советского здравоохранения. Своеобразные «ножницы»... А кое-где эти «ножницы» хотят ликвидировать за счет качества.

Проверяли мы недавно в городе Калинине одну больницу. Ее лишь девять месяцев назад открыли. Новый инструмент туда прямо с базы привезли. Поинтересовались: что стало за это время с инструментом? Вот акт. Познакомьтесь... Более тридцати процентов инструмента вовсе выбыло из строя.

Долго и взволнованно рассказывал нам Михаил Герасимович о своих бедах, ибо беды медицинской промышленности он справедливо считает и своими бедами. Большинство аппаратов и инструментов, созданных молодым институтом, остается мертвым капиталом. Медленно, очень медленно и недостаточно осваивает новую технику медицинская промышленность.

А научная мысль продолжает двигаться вперед. Ананьев с увлечением говорит о новых, смелых замыслах:

— Хотим создать ультразвуковой скальпель, чтобы ткани рассекать безболезненно, бескровно и стерильно. Хотим с помощью ультразвука дробить камни печени, почек, испытываем хирургическую телевизионную установку, которая, сочетаясь с рентгеном, вооружит хирурга вторым зрением. Медицина предъявляет к технике все больше и больше требований. Надо оплачивать ее счет.

И мы невольно вспомнили свой разговор в Ленинграде с профессором П. А. Куприяновым. Крупнейший хирург страны, член технического совета завода «Красногвардеец», он пристально следит за развитием медицинской промышленности.

— Хирургическая практика и техника хирургии,— сказал он,— вышли ныне за рамки простого рукоделия, как и вообще вся медицина. Мы сегодня можем не только нашим ухом, а особым прибором услышать за десятки тысяч километров, что там делается. Можем видеть, что происходит где-то далеко, за сто километров. А почему врач не располагает таким же обостренным чувством, когда исследует больного? Почему врач до сих пор не может пользоваться тем, чем пользуются, например, авиаторы? На съезде хирургов мы очень резко говорили об отставании медицинской промышленности: лимитирует она сейчас развитие нашей хирургии. Представители Министерства здравоохранения согласились тогда с нами. После съезда прошло уже более года, но, увы, мало что изменилось в этой области техники.

Пожалуй, вряд ли что прибавишь к словам профессора Куприянова.

О НАРОДЕ — ТВОРЦЕ СВОЕЙ ЖИЗНИ...

Крымский драматический театр имени А. М. Горького в дни празднования 40-летней годовщины Советской власти показал премьеру спектакля «Вечный источник» Дм. Зорина. Народная драма — о советской деревне 20-х годов, о том, как трудовой крестьянин тянется к новому и в борьбе находит дорогу в жизни,— имеет большой успех у зрителей.

Спектакль поставил главный режиссер заслуженный артист ЭССР В. Акинфиев. В роли В. И. Ленина выступает заслуженный артист УССР Г. Юченков. Режиссеру и исполнителю удалось показать Ленина в гуще народной, в единстве с рядовыми советскими людьми. Удались и роли Мартына Крутоярова (Е. Тарасов), Василисы (Л. Вронская) и другие. Декорации художника М. Янковского хорошо передают пейзажи центральной полосы России, бытовой уклад деревни той поры.

На снимке: «Вечный источник» Дм. Зорина в Крымском драматическом театре имени А. М. Горького. Сцена из спектакля.

Фото Л. Яблонского.

Мадрид. Гран Виа — Большой проспект, ныне переименованный в проспект Хосе Антонио Примо де Ривера. Подразделения пехоты без головных уборов участвуют в религиозной процессии с реликвиями основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы.

ИСПАНИЯ, 1957 год

МАДРИД

→

Барселона. К востоку от города расположена так называемая Барселонета. Вдоль морского берега построены сотни бараков. В них живут тысячи жителей Барселоны, в основном безработные.

Франческо **НИГРО.**

Недавно в Испании побывал итальянский фотокорреспондент Франческо Нигро. Ему удалось посетить многие города и села этой страны. О том, что он там увидел, рассказывают сделанные им фотографии. Пояснения к ним написаны самим фотокорреспондентом.

Бильбао. Здесь тоже мы увидели релнгиозную процессию. Коленопреклоненные солдаты воздают ей воинские почестн. Испания чуть ли не единственная страна в Европе, где упорно сохраняются официальные формы церковного культа, оставшиеся нензменными со времен Филиппа II.

ИСПАНИЯ,

1957 год

→

Севилья. Ризница церкви Сан Хосе. В Севилье сосредоточена самая консервативная часть испанского духовенства. Город был цитаделью недавно умершего ультрареакционного кардинала Сегура.

→

Севилья. Район Триана. Цыганка со свонми детьми. Вдали виден дым трубы кирпичного завода. Река Гвадалквивнр делит город Севилью на две части. На одной стороне высится величественный старинный собор, в котором покоятся останки Христофора Колумба, дома знати с тенистыми «патиос» (внутренние дворы). На другой стороне находится Триана — густо заселенный рабочий район. В период республиканской власти район Триана был центром революционных сил Севильи.

Мадрид. Пласа де Торес (арена для боя быков). Матадор в ожидании финального момента корриды. Скоро он тоже выйдет на арену, чтобы убить быка. Он внимательно следит за движениями животного, изучает его слабые места, в то время как «бандерильеро» изматывает его с помощью ловких пируэтов.

Мадрид. На проспекте Хосе Антонио Примо де Ривера — самой красивой улице испанской столицы — находятся клубы богачей. Здесь же расположены здания министерств, Академия изящных искусств, центральное руководство фалангистов. На снимке: группа промышленников на балконе своего клуба. Внизу нищенка просит у них подаяния.

Мадрид. Пласа Майор — старинная площадь в центре города. Статуя Филиппа III, которая в период республиканского режима была снята с пьедестала, как символ угнетения и тирании, при режиме Франко вновь водворена на прежнее место. У подножия статуи — безработные.

Бильбао. Рабочие-металлурги выходят из сталелитейного завода Сестао. Здесь перерабатывается железная руда, поступающая из рудников Страны басков и Астурии, в частности из близлежащего горнорудного центра Гальярта, родины Долорес Ибаррури. На этом заводе, как и на других предприятиях района Бильбао, недавно прошли забастовки протеста против вздорожания стоимости жизни и с требованиями свободы профсоюзной деятельности.

Читатели спрашивают в письмах: как надо рассматривать картину, как ее понимать? Почему часто нравятся картины, написанные совершенно в разных манерах? Какая манера письма правильная? Почему некоторые картины хотя и кажутся правильными, не оставляют впечатления? Где граница между картиной и фотографией?

Мы попросили действительного члена Академии художеств СССР, доктора искусствоведческих наук М. В. Алпатова ответить на эти вопросы.

ИСТОЧНИКИ ТВОРЧЕСТВА

М. В. АЛПАТОВ

Каждый художник черпает материалы для своего творчества прежде всего из жизненного опыта. То, что он видит вокруг себя, что он знает о мире, как воспринимает происходящие перед его глазами события,— все это прямо или косвенно находит отражение в том, что возникает на холсте живописца, что скульптор извлекает из камня. Способность художника подмечать в жизни то, что другие до него не замечали, его умение передавать привычные, обыденные предметы так, что они приобретают особенную значительность, составляют привлекательную сторону живописи и скульптуры (и потому таким странным парадоксом, почти нелепостью, выглядит отказ некоторых современных художников — абстракционистов — от исконной основы живописи и скульптуры).

Великий итальянский художник Возрождения Леонардо да Винчи восторженно перечисляет все, что живописец способен воспроизвести: высокие горы, бурное море, быстрые реки, цветущие луга, тенистые деревья, диковинных животных, и, само собою разумеется, «венец творения» — человека. Предметом живописи, по словам Леонардо, может стать все, что видит человеческий глаз, и потому, по его глубочайшему убеждению, среди других видов искусства пальма первенства должна принадлежать живописи. К этому похвальному слову Леонардо можно прибавить, что живописец часто не ограничивается воспроизведением только видимого, но передает еще внутреннюю, духовную жизнь людей, их думы, чувства, влечения, страсти, воспоминания о далеком прошлом и светлые мечты о будущем.

Для того, чтобы изобразительное искусство в состоянии было достойно выполнить эту задачу, художник должен быть зорким, внимательным, чутким. Вот почему каждый подлинный художник всегда испытывает такую непреодолимую потребность наблюдать природу и людей, присматриваться к тому, что происходит вокруг него, исследовать так же основательно, как это делает ученый, ловить каждое мимолетное впечатление и сохранять его в памяти с тем, чтобы впоследствии дать ему художественную форму выражения. Подлинный художник не чувствует себя в жизни «праздным соглядатаем». Отдаваясь изучению мира, он не скрывает, да, в сущности, и не в состоянии полностью скрыть свое отношение к изображаемому. Прекрасное в мире и в человеке будет всегда вызывать в нем восхищение, уродливое будет его отталкивать. Но для того, чтобы наиболее выпукло выразить свое отношение к этим явлениям в творчестве, он будет жадно всматриваться, стараться сохранить их в памяти, возвращаться к ним по нескольку раз. Каждая возможность соприкосновения с действительностью умножает силы художника, как соприкосновение с землей умножало силы легендарного Антея.

Современники Леонардо признавали его портрет Джоконды верхом жизненности (один из них уверял, что на шее ее словно бьется жилка). Но сам художник не мог удовлетворить своей взыскательности, он трудился над портретом четыре года. Александр Иванов, не жалея сил, выполнил огромное множество этюдов с натурщиков и натурщиц, исходил окрестности Рима, где писал свои пейзажи,— все это для того, чтобы его картина «Явление Христа народу» впечатляла жизненностью и правдой. Павел Федотов признавался, что большая часть его работы проходит не в мастерской, а на улице. Его видели на окраинах города, где он заговаривал с простым народом, останавливался перед освещенными окнами незнакомых домов,— все это в поисках героев для своих картин. Иногда ему приходилось долго разыскивать второстепенные аксессуары, вроде люстры купеческого дома. Французский живописец Клод Моне много раз приходил на одно и то же место, чтобы в условиях утреннего, дневного и вечернего освещения запечатлеть стога сена, навеки прославленные его кистью.

Художники всегда прилагали все усилия к тому, чтобы передать с наибольшим правдоподобием то, что им открылось в окружающем мире, и потому, когда зритель верит ему,— это наивысшее вознаграждение художнику. Чтобы выразить свое восхищение жизненностью искусства одного древнегреческого скульптора, современники рассказывали, что перед его статуей коровы останавливалось и мычало стадо. Стремление художника вдохнуть жизнь в свое создание сказалось в старинной легенде о скульпторе Пигмалионе. Восхищенный красотой изваянной им женщины, он воспылал к ней любовью, и эта высокая страсть оживила ее.

Но все, что было говорено до сих пор о зависимости художника от окружающего мира, характеризует только одну сторону искусства. Между тем существует еще другая, не менее важная сторона творчества, о которой нельзя забывать.

Художник стремится приблизиться к жизни, к правде, но искусство не является жизнью. Искусство — это как бы диалог, беседа, между тем в каждой беседе должны участвовать по крайней мере двое. Искусство возникает на перекрестке, где человек встречается с природой, предъявляет к ней свои требования, вступает с ней в соревнование, порою в борьбу.

Художник всматривается в окружающее, самозабвенно отдается своим впечатлениям. Но хочет он этого или не хочет, в его творении неизменно сказывается все, что занимает не только его одного, но и многих современников, его родной народ. Благодаря своей способности вбирать в себя многое, выходящее за пределы простой изобразительности, искусство оказывает такое глубокое воздействие на людей. В художественно претворенном кусочке действительности заключен огромный духовный опыт людей, исторический опыт народов, привычный им способ мышления, их чаяния и надежды.

Чтобы выразить наше восхищение перед правдой искусства, мы иногда восклицаем: «Это сама жизнь!» Между тем это не больше, чем поэтическое преувеличение. Картина не жизнь и не может быть жизнью. Картина отделена рамой от других предметов в комнате; статуя, как мы говорим, «высится на постаменте», и это также ее отделяет. Картина и статуя — это нечто сотворенное человеком по законам красоты, и для того, чтобы понять и оценить его создание по достоинству, нужно прилагать к нему меру художественного совершенства.

Образ складывается в картине из красочных пятен и полутонов. Нанесенные кистью на холст, краски вступают во взаимоотношения, радуют наш глаз, если они гармоничны. Картину художник строит в известной степени, как человек строит себе дом, в котором все должно быть прочно и уравновешенно. В картине многое подчиняется мерному чередованию, подобному вдохам и выдохам живого организма. Живописные формы обладают особой, порой безотчетной, но непреодолимой силой воздействия.

Язык сердца — существенная черта языка искусства. Через искусство «сердце сердцу весть подает». Чуткий зритель по одному прикосновению кисти живописца к холсту, по одному удару резца угадывает стиль мастера, стиль целой исторической эпохи. Вместе с этим перед ним открывается огромный мир образов, целая вереница представлений.

Пейзажи Камиля Коро рождают в нас настроение светлой грусти не только потому, что французский мастер любил выходить на работу туманными утрами, но и потому, что его любимая серебристо-сизая гамма красок способна родить такое настроение. Если художник имеет свой стиль, то независимо от того, что им изображено, мы всегда узнаем его, как любимого певца по тембру его голоса.

По общему признанию, в картинах советского живописца Александра Дейнеки ярко отображена наша советская современность. И это не только потому, что в его картинах передан облик наших людей, нашей молодежи и физкультурников, облик наших городов и наших равнинных просторов. От картин Дейнеки веет духом современности. Наши быстрые темпы, большое дыхание, стремительное движение вперед дают в них о себе знать как характерная черта всего стиля нашей жизни. Перед картинами Дейнеки невольно вспоминается строчка Маяковского: «Наш бог бег».

Пристальное изучение окружающего мира — это первый осно-

ЯН ВАН ЭЙК. Деталь картины «Поклонение агнцу».

А. РУБЛЕВ. Голова Петра. Деталь фрески «Страшный суд».

В.А. Серов. Девушка освещенная солнцем

М. А. Врубель. Гадалка

П. А. Федотов. Анкор, еще анкор!

В. Е. Маковский. Оправданная

Теодор Руссо. У водопоя

Диего Веласкес. Портрет короля Филиппа IV.

Эль Греко. Святой Иероним.

Э. Делакруа. Свобода ведет народ (На баррикадах). Деталь.

воположный источник художественного творчества. Второй, не менее важный, заключен в самосознании человека. Недавно китайские живописцы вели беседу с московскими художниками о задачах реалистического искусства современности. Художник должен самым тщательным образом изучать действительность, подчеркивали наши китайские друзья. Но залог его успеха, отмечали они, заключен в человеческом сердце.

Действительно, оба источника творчества в их совокупности больше всего способны оплодотворить искусство, и потому забвение одного из них наносит ему ущерб. Достаточно художнику решить, что искусство сводится к бесхитростному воспроизведению явлений окружающей действительности, что единственной мерой оценки является схожесть изображения с оригиналом, их неотличимость, и уже искусство вступает на путь натурализма, картина становится похожа на цветную фотографию, статуя — на мертвый слепок. Живопись и скульптура перестают быть искусством.

И, наоборот, достаточно возникнуть в художнике равнодушию к окружающему миру, стремлению отгородиться от него, подменить живое наблюдение бесплодным домыслом, и уже творчество скудеет, теряет свой человеческий смысл, круг его воздействия сужается, оно перестает волновать человека. В таких случаях художник, как герой новеллы Оноре де Бальзака «Неведомый шедевр» Френхофер, способен выразить в искусстве лишь одного себя. Такой художник не может стать выразителем народных чаяний. Натурализм и абстракционизм одинаково чужды советскому зрителю.

У разных художников, в разные эпохи изобразительные и формальные моменты искусства выступают в различных соотношениях. И потому нельзя мерить решительно все только одной меркой. Действительно, у одних мастеров восприимчивость достигает такой остроты, что может заставить нас забыть о недостаточности воображения. У других пылкое воображение возмещает недостаток наблюдательности. Но большое искусство немыслимо вне соотношений между этими двумя способностями человека.

В этом номере «Огонька» воспроизведены картины русских и иностранных мастеров, представителей самых различных школ и направлений, чтобы читатель внимательно их рассмотрел и убедился в том, что ко всем им нельзя подходить с одной меркой.

В изображении бородатого старца знаменитый нидерландский мастер XV века Ян ван Эйк проявил неподражаемую зоркость. Передана каждая морщинка нахмуренного лица, каждый волосок. В фреске нашего великого мастера того же времени Андрея Рублева голова апостола очерчена круговым контуром. Но по контрасту к нему особенную выразительность приобретает живой взгляд широко раскрытых глаз.

В портрете короля Филиппа IV Диего де Сильва Веласкес выступает как бы беспристрастным. Но, в сущности, это беспристрастие всего лишь маска. Живописец ни в чем не отступает от натуры, ничего не преувеличивает в ней, но ему прекрасно удалось передать чопорную оцепенелость этой царственной особы. Наоборот, Эль Греко в портрете кардинала, которого художник написал в образе святого Иеронима, сильно вытянул его фигуру, еще больше вытянул его седую бороду, зажег ярким пламенем алый цвет мантии, и потому такой переизбыток духовной энергии сквозит во всем облике старика.

Превосходный французский мастер Гюстав Курбе сочно и полнокрозно передал фигуры плачущих женщин в картине «Похороны в Орнане». Но живопись Курбе — это «смиренная проза», конечно, проза художественная. В картине Эжена Делакруа «Свобода ведет народ» («На баррикадах») мы видим нечто совсем иное. С французскими борцами за свободу, будто выхваченными из жизни, поставлена рядом полуобнаженная фигура, которая выражает революционный порыв народа. Для того, чтобы создать такой запоминающийся образ, недостаточно было одной наблюдательности Курбе. Для этого необходимо было пламенное воображение романтика Делакруа.

Французские пейзажисты Камиль Коро и Теодор Руссо были современниками. Оба трудились бок о бок в деревне Барбизон, неподалеку от Фонтенбло. Но Руссо стремится к наибольшей четкости силуэта: каждая веточка дерева, каждый сучок четко им очерчены. Чтобы выразить в картине свое мечтательное настроение, Коро обволакивает предметы прозрачной дымкой, умело использует живописный язык полутонов.

В русской школе живописи были также художники различных направлений. Глядя на известную картину Владимира Маковского «Оправданная», мы словно читаем обстоятельное литературное повествование, в котором не опущена ни одна подробность. Особенно удалась художнику фигура растроганного отца оправданной, старого пенсионера-чиновника. В своих ранних картинах Павел Федотов также заботился об отделке подробностей. Но в позднем, едва ли не самом замечательном своем произведении «Анкор, еще анкор!» живописец пожертвовал ими. Все погружено в полумрак, фигура скучающего офицера похожа на призрачную тень, таким же призрачным выглядит и обезумевший от жестокой муштры пудель. Художник не дает зрителю отчет в том, что здесь происходит. Он возбуждает его фантазию, которая только одна способна измерить беспредельное ощущение скуки, тоски и одиночества.

Г. Курбе. Похороны в Орнане. Деталь.

И Михаил Врубель и Валентин Серов ценили дарование друг друга. Этому ничуть не мешало, что творческий метод обоих художников был глубоко различен. Искусство Серова радует, как ясный летний день, искусство Врубеля волнует, как таинственная сумеречность ночи. Серов — это сознание, логика, расчет. Врубель — это безошибочное чутье, захватывающая страстность. В «Девушке, освещенной солнцем» Серова увлекает выражение молодости и здоровья в ее полном личике, свет, воздух, наполняющие картину. Наоборот, в «Гадалке» Врубеля краски как бы светятся изнутри, материальность предметов менее ощутима. Зато трепетность, духовная жизнь и загадочность женщины придают ей невыразимое очарование.

У каждого из нас могут быть в искусстве свои пристрастия. Одному больше говорят Веласкес и Серов, другому — Греко и Врубель. Сегодня мне, как дружеская помощь, нужна одна картина, завтра потребуется картина другая. В этом нет ничего удивительного.

Мы, советские люди, требуем от нашего искусства, чтобы оно воплощало идеи нашей героической современности. Мы радуемся, когда художникам удается в своих образах сделать зримыми и наглядными те высокие идеалы, ту борьбу, те достижения, которые волнуют нас. Только в этом случае художник становится борцом за создание новой жизни.

В нашей стране, где искусство призвано не только удовлетворять эстетические потребности человека, но и развивать его духовные способности, помогать выработке целостного гармонического мировосприятия, оно участвует в формировании самосознания строителей коммунистического общества. И потому так важно, чтобы в искусстве в полную силу проявилась возможность воздействовать на человеческое сознание, на чувство и на воображение.

ПОСЕЙДОН, БОГ МОРЕЙ

Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки В. ГОРЯЕВА.

К полудню в Акрополе было шумно и людно, как на площади.

Гиды, с привычной ловкостью взбираясь на древний мрамор, тараторили на всех языках, заглушая друг друга. Не успевали вы миновать группу учтивых шведов, которую вел энергично жестикулирующий толстяк с четками в руке, как натыкались на хорошенькую девицу в темных очках. Она сидела, разложив на тысячелетних ступенях оборки своей юбки, и объясняла изнывающим от жары англичанам, как выглядела Афина Дева, исполненная Фидием из золота и слоновой кости.

Несколько французских архитекторов с молитвенным выражением на лицах зарисовывали кариатиды Эрехтейона. Молодые люди, пугающе похожие друг на друга, предлагали сняться на фоне Пропилеев. Щелкали фотоаппараты всех систем и всех стран. И над всей этой сутолокой и гамом возвышались ни с чем не сравнимые колонны Парфенона. С севера они были слепяще-белыми, а с южной стороны казались золотистыми и теплыми, как человеческая рука.

Не знаю, сколько времени пробыла я на горе. Спускаясь, я наткнулась на проворного немолодого человека в пенсне. Он ринулся ко мне, скользя по мраморным обломкам, и ловко, как веер, развернул набор открыток.

— Ника Аптерос! — радостно воскликнул человек в пенсне и попытался сунуть мне открытки. Голос у него был звучный, как труба.— Вери найс!

Наконец я спустилась на автобусе в Афины. Зной уже не был таким тяжким, как утром.

На перекрестке полицейский в белом шлеме пропускал поток машин, картинно взмахивая жезлом. У стены площади, зацепившись друг за друга ножками, словно спящие насекомые, лежали сложенные в кучу столики. Официанты в коротких курточках неторопливо расставляли столики прямо на площади. Это значило, что жара начала спадать.

Незаметно я ушла довольно далеко.

Я забрела на какую-то тесную улицу. Окна в домах были распахнуты настежь, и вся улица по-домашнему пахла тушеными баклажанами и рыбой. Возле маленькой парикмахерской кучка пожилых греков в белых пиджаках о чем-то спорила, держа в руках свежие газеты. Время от времени в беседу вмешивался парикмахер, бросая намыленного до ушей клиента и выскакивая на улицу. Крик стоял такой, будто сгорело полгорода.

Чуть поодаль две седые розовощекие англичанки старательно фотографировали очередные развалины. Кончив снимать, англичанки посовещались и вошли в маленькую кофейню. Я зашагала вслед за ними.

Хозяин, приветливый брюнет с большим носом, устремился к столику.

— Бекон энд эгс! — решительно сказали англичанки. Хозяин ласково смотрел на них и молчал, не двигаясь с места.— Бекон энд эгс! — повторили англичанки уже менее уверенно.

Хозяин улыбнулся еще приветливей и вздохнул. Переглянувшись, англичанки нарисовали на бумажной салфетке яйцо.

— О! — закричал хозяин, подпрыгнув на месте.

Он расплылся в улыбке и помчался на кухню. Спустя минуту он вернулся, неся полную тарелку слив, и торжественно водрузил ее на столик перед англичанками.

— Бекон энд эгс...— сказала старшая из англичанок упавшим голосом. Хозяин кротко глядел на нее, наклонив на бок голову.— Кофе! — сказала она, махнув рукой.— Ту кофе!

Поглядев на них, я сразу заказала себе кофе, и хозяин снова умчался на кухню. Он принес крепчайший, благоуханный кофе, ледяную воду в запотевших бокалах и блюдечки с вареньем. Варенье было густым и красным, как коралл. Уставившись на него, англичанки растерянно закудахтали, но потом браво взялись за ложки.

В это время дверь открылась, и вошел новый посетитель. К ужасу моему, я узнала в нем все того же деятеля в пенсне, которого видела в Акрополе.

Он ринулся ко мне, как к старому другу, и, сделав обнадеживающий жест, опять исчез за дверью. Проворство его было поразительным. Через секунду он вернулся в сопровождении унылого, высокого, как жердь, человека, обвешанного с ног до головы гирляндами морских губок.

— Сувенир оф Афин! Тре шарман, мадам! — торжествующе закричал мой знакомец трубным голосом и ткнул мне в руки огромную губку в целлофане.

Он так сиял, так восторженно размахивал губкой, так призывал продавца, меланхолично уставившегося на меня коричневыми, как финики, глазами, хозяина кофейни и даже англичанок восхищаться моим будущим приобретением, что я не выдержала и малодушно купила губку. Взяв деньги, продавец побрел к выходу. Человек в пенсне, ласково лопоча, помчался за ним.

Выйдя из кофейни, они остановились на углу.

Лицо проворного афинянина сейчас было решительным и величественным, как у полководца. Продавец медленно отсчитал от моих денег две бумажки и, грустно глядя на них, протянул ему. Тот сунул свой заработок в карман и зашагал по улице фланирующей походкой человека, закончившего удачный деловой день.

Вскоре ушла и я.

Везде было полно народа; казалось, что все Афины высыпали на улицы, площади и скверы, радуясь, что схлынула жара.

За столиками кафе, вынесенными прямо на тротуар, прочно сидели посетители, всем видом показывая, что не скоро расстанутся с давно выпитой чашкой. Постукивая тонкими, как гвозди, каблучками, шли афинские модницы в колышущихся, словно пружинящих юбках. Стройные их ноги без чулок казались золотистыми от загара. Франты в остроносых штиблетах разгуливали, останавливаясь у каждой витрины.

Мелькнула в толпе пожилая женщина в черном.

Женщина шла сквозь шумную, неторопливо двигающуюся толпу, как бы неся на своих темных одеждах отблеск боев за свободу страны. По ком носила она траур? Где, в каких горах, на каких вершинах похоронено тело сына, погибшего от пули врага?

Я стояла посреди тротуара, и толпа обтекала меня. Неожиданно возле меня кто-то остановился.

Обернувшись, я узнала своего приятеля с горы Акрополя.

— Ду ю лайк Афины, мадам? — бодро сказал он.— Тре шарман, маленький Париж... О?

Я схватилась рукой за дверцу проезжающего мимо такси.

Под мышкой у меня была по-прежнему зажата злополучная губка в целлофане, с которой я прошагала по афинским улицам с таким чувством, будто собралась в баню. Я сунула губку в угол машины.

В это время дверца приоткрылась, и показалась уже знакомая мне голова.

— Я могу показать вам Афины,— сказал трубный голос, и мой знакомец в пенсне радостно улыбнулся.— Храм Зевса, театр Ирода Аттики, Одеон, театр Диониса... Величайшие памятники древности! Вам понадобится не более пятнадцати минут, чтобы все это объехать. Люди, не знающие Афин, тратят на это весь день, мадам! Оф коорс! — Он говорил на ужасном, но бойком английском языке.

Покачав головой, я потянула к себе дверцу. Но знаток памятников древности крепко держал ее.

— Это будет стоить вам совсем недорого, мадам...— жалобно сказал он. На его смуглом морщинистом лице вдруг появилась детская, обезоруживающая улыбка.— Совсем чепуху! Э литтл мани!

Я запнулась только на секунду. Но он уже уселся рядом с шофером и небрежным тоном приказал ему что-то. Машина покатила по улицам Афин.

Мой провожатый тараторил без умолку. Размахивая руками, он произносил длинные монологи при виде каждой мало-мальски стоящей развалины, добросовестно отрабатывая свои «литтл мани».

Он спросил, откуда я приехала, и я ответила. После этого его монологи стали еще более пространными, он сопровождал их таким

количеством жестов, словно перед ним была глухонемая. Время от времени в беседу включался шофер, тоже произнося горячие фразы, из которых я ровно ничего не понимала. Лысый человек, читавший газету у киоска, поздоровался с шофером, и тот приветствовал его, подняв обе руки и бросив руль. Послышался визг покрышек идущей позади нас машины. Шофер не обратил на это никакого внимания.

Сейчас мы ехали по тихой тенистой улице. У решетчатых ворот стояли караульные — высокие ребята в юбочках, в алых фесках с длинными черными кистями, в туфлях с помпонами и загнутыми носами, нарядные, как карточные валеты.

— Это дворец нашего короля,— сообщил мой провожатый, показав на караульных с гордостью.— Вери найс, а?

Мы пересекли площадь и проехали мимо большого ресторана. К дверям его подкатывали машины немыслимых расцветок — розовые, голубые, желтые с черными крыльями, как бабочки. Сквозь зеркальные стекла было видно, как бармен за стойкой, священнодействуя, выжимал сок в фужеры со льдом.

— Это наш самый дорогой ресторан,— сказал мой провожатый. Сбоку мне была видна его тощая шея и слегка обвисшая щека, щека пожилого человека.

Теперь мы ехали по улице со множеством магазинов. В витринах стояли манекены, одетые точно так же, как девушки, идущие мимо них, с такими же маленькими кудрявыми головами Афродиты. На одно из зданий, по которому, соперничая с закатом, бежали молнии реклам, шофер показал.

— Это наш самый дорогой магазин,— сообщил он.

Я промолчала.

— Вы обратили внимание, что у нас девушки не носят чулок? — предупредительно спросил он.— Сейчас такая мода. В тот день, когда королева в первый раз летом появляется без чулок, все афинские девушки тоже снимают чулки. Как королева, так и они. Это, знаете, у нас так принято. Любая девушка может себе позволить подражать королеве.

— Вот оно что! — сказала я.

Мы опять пересекли какую-то площадь, и я увидела большое здание.

— Это наш университет,— сказал мой провожатый.

— Самый дорогой? — полюбопытствовала я.

Он покосился в мою сторону и ничего не ответил.

Наступила небольшая пауза. Потом мой спутник что-то скомандовал шоферу, бросив стыдливый взгляд на счетчик, и машина свернула.

— Сейчас мы увидим триумфальную арку императора Адриана,— бодро произнес он.

— Послушайте,— сказала я,— покажите мне тот район, где вы живете.

— Где я живу? — удивился он.

— Ну да.

— В Афинах нет трущоб на окраинах,— тревожно сказал он.— Это очень красивый, благоустроенный европейский город.

— Ну-ну,— сказала я,— про это я уже слыхала. Маленький Париж.

Опять наступила пауза.

— Так вы в самом деле хотите поехать в район, где я живу? — спросил он.

— В самом деле.

— Но это далеко отсюда.

— Ничего, я не устала.

Он задумчиво хмыкнул.

— Так-таки прямо сейчас и поедем?

— Давайте,— сказала я.

Он опять задумчиво хмыкнул. Потом что-то сказал шоферу, и мы покатили.

Сейчас мы ехали по шумной улице с мастерскими, где можно было увидеть сапожников, латающих башмаки, гончаров, расписывающих глиняные кувшины, мастериц, сидящих за швейной машиной и бросающих любопытные взгляды в окно. Под деревянным навесом шла шумная торговля всяким дешевым барахлом. Каменотес, постукивая молотком, возился у ворот с глыбой мрамора. Где-то запел во все горло петух, точно в деревне. Шмыгнул мальчуган, в правой руке он нес большую медную тарелку, висящую на металлических стропах. На тарелке стоял дымящийся кофейник, тоже медный, и две крошечные чашки. Вместе со всем этим хозяйством мальчуган едва не угодил под машину.

Шофер заорал на него, как полагается всякому шоферу, а мальчуган, подтянув штаны, показал ему язык, как полагается всякому уважающему себя мальчику, и побежал дальше.

Провожатый мой ерзал на сиденье. Объяснять тут было совершенно нечего, и ему приходилось молчать, что явно было для него мучительно.

— Давайте я вам расскажу легенду о богине Афине,— наконец решительно сказал он.— Однажды Афина поспорила с Зевсом о том, кому будет принадлежать город. Она взмахнула рукой, и из земли...

— Ох, ради бога! — взмолилась я.

Он виновато умолк.

Сквозь окно повеял запах водорослей и остывающего песка. Мы проехали еще немного, и я увидела плоский берег с твердой песчаной полосой, хорошо укатанной прибоем. У самой воды тянулась малахитовая кромка водорослей. Маленькие волны накатывались на песок. Вдоль дороги белели хибарки рыбаков.

— Стоп! — вдруг заорал мой спутник, подняв вверх руки.

По шоссе, тяжело ступая, шла высокая, грузная женщина. Мой спутник выскочил, и женщина бросилась к нему.

Она заговорила с ним по-гречески, быстро, страстно, то всплескивая руками, то делая такой жест, словно отрывала что-то тяжелое от груди. Глаза ее были заплаканными. Мой провожатый тоже что-то кричал ей в ответ, и чем больше они говорили, волнуясь и перебивая друг друга, тем мрачней становилось его лицо. Наконец он вернулся к машине.

— Ай эм сори,— сказал он, не глядя на меня.— Мне нужно на одну секунду задержаться здесь. Разумеется, я попрошу шофера выключить счетчик,— добавил он поспешно.— Ай эм вери сори.

— Что-нибудь случилось?

Он молчал и смотрел на женщину. Она была немолода, с полной, бесформенной фигурой, но лицо еще было красивым. В особенности хороши были глаза и рот, с чуть поднятыми вверх уголками. Слезы ее не портили.

— Это моя жена,— нерешительно произнес он.— Она сказала, что в семье нашего соседа несчастье. Я хотел бы туда зайти. Впрочем, если вам неугодно, мы можем поехать дальше...

— Конечно, идите.

Но он продолжал стоять, переминаясь.

— Я не испортил вам настроение? — наконец спросил он и покраснел. У него был кирпичный румянец пожилого человека.— Это не полагается — портить настроение клиенту. Сейчас мы поедем назад, и я покажу вам театр Диониса. Величайший памятник древности.

— Будет вам! — сказала я.

— Так я пойду...— Он продолжал нерешительно топтаться на месте.— Сейчас жена принесет вам стул. Вы можете полюбоваться морем. Это Саронический залив, один из красивейших заливов Европы,— сказал он и вздохнул.

— Слушайте,— сказала я,— можно мне пойти вместе с вами?

— Со мной?

— Ну да.

— Вы серьезно хотите туда пойти?

— Я же вам сказала. Если это удобно, конечно.

— А зачем вам это нужно? У вас может испортиться настроение.

— Давайте пойдем быстрей! Может быть, я тоже смогу чем-нибудь помочь. Что у них стряслось?

— Несчастье,— сказал он упавшим голосом.— Большое несчастье. Идемте скорее.

Мы почти побежали по дорожке к низенькому дому.

Но едва мы подошли, как в дверях показалась женщина.

Она еле стояла на ногах. Прическа ее рассыпалась, волосы упали на плечи; обе руки она приложила к шее.

Мой спутник что-то спросил у нее, задыхаясь от быстрого бега, но женщина только помотала головой и укусила палец. Мы взбежали на крыльцо. После яркого, багрового солнца, висящего над морем, комната показалась совсем темной.

— Господи...— сказал мой спутник.— Господи боже мой!

На кровати, прикрытый простыней до подбородка, лежал человек. Длинное тело его казалось огромным. Глаза были закрыты. По выражению отчужденности и строгости на его большом желтом лице я поняла, что он мертв.

В углу стояли трое детей — два мальчика лет по двенадцати — тринадцати и девочка чуть поменьше. Они смотрели на мертвого отца, не двигаясь, точно окаменели. Над ними в углу виднелась икона: дева Мария держала на руках младенца, крошечного, как лист.

— Ох! — сказал мой спутник.— Господи, какой бедняга! Не повезло ему. Теперь уже все. Теперь уже ничего не будет.— Он заплакал.

Женщина по-прежнему стояла в дверях, приложив обе руки к шее; сухие глаза ее блестели, точно у нее был жар.

— Теперь уже все,— сказал мой спутник. По морщинистому лицу его бежали слезы.— Пойдемте отсюда. Что можно сейчас сделать? О господи, я так и знал.

Мы вышли.

Жена что-то быстро и испуганно ему сказала, но он только отмахнулся. Женщина в дверях сжала оба кулака и запрокинула голову. Казалось, она хотела крикнуть. Глаза ее закрылись.

— Я даже не представляю, как она будет без него жить,— сказал мой спутник, вытирая слезы ладонью.— Есть женщины, которые не умеют жить одни. Он ее слишком любил. Он из сил выбивался, чтобы у них все было. Но ему не везло! До чего же ему не везло, господи!

Мы медленно пошли по дорожке к шоссе.

— Просто бывают такие невезучие люди,— произнес мой спутник, смотря перед собой.— Очевидно, в этом все дело. Вот у меня, например, все как-то по-другому. Я умею заработать! — сказал он дрожащим голосом.— И мне везет, оф коорс. А он вечно влезал в историю.

Он обернулся и посмотрел на дом. Женщина по-прежнему стояла в дверях.

— Ну, что вам сказать? — Он махнул рукой.— К примеру, был он шофером такси. Кажется, хорошая работа, правда? Вы бы его видели, когда он сидел в машине. Высокий, красивый, как черт,— даже пассажирки на него заглядывались, в особенности американки. И на тебе! Он тут же влез в историю.— Мой собеседник всплеснул руками.— Вез из Пирея иностранца, взял его возле «Флипп-бара», на набережной. И тот по дороге стал молоть черт знает что и про него и вообще про греков. Спьяна, конечно. Тут знай одно: терпи и не связывайся. Такое уж шоферское дело. А мой приятель, представляете, что сделал? Взял да и высадил своего пьянчугу по дороге в Афины. Тот, натурально, полез в драку. Тогда мой дружок стал в позицию...— Он слегка опустил плечи и показал, как становятся в боксерскую позицию.— И двинул его чуть-чуть, так, что тот повалился на асфальт. Потом подобрал его, аккуратно уложил в машине и повез к нему домой. По дороге пьянчуга был уже в полном порядке. Но, можете представить, он оказался какой-то важной птицей. Если уж не повезет, так во всем! Он нажаловался на моего дружка — и того уволили из гаража. И потом уже ни в один гараж не брали, оф коорс. Все из-за того, что он вечно влезает в истории. Вот как оно было.

Он опять обернулся. Его жена подошла к женщине, стоящей в дверях, и попробовала ее увести. Но та замотала головой и прижалась щекой к косяку.

— Что же было дальше? — спросила я.

Перед моими глазами все еще стояло строгое, неподвижное лицо над белой простыней.

— Что дальше? — переспросил мой спутник.— Они продали все, даже стулья. Наконец его нанял на свою яхту богатый француз. Француз носился, как угорелый, из одного моря в другое. С ним всюду ездила какая-то мексиканка с зелеными глазами и прической, как конский хвост; очень красивая девка, между прочим,— вери, вери найс. Они были и в Коломбо, и в Сингапуре, и еще черт знает где. Я его видел, этого француза,— никакой он не был яхтсмен, обыкновенный толстяк с животом и тонкими ножками. Но он платил хорошо, и мой приятель мог бы заработать. И тут вдруг опять началась история!

Он долго сморкался, и несколько секунд мы шагали молча.

— Можете представить,— продолжал он,— мексиканка влюбилась в моего друга, как сумасшедшая.— Мой собеседник пожал плечами.— Подумаешь, большое дело! В меня тоже многие влюблялись,— сказал он и поправил пенсне.— Но он немедля влез в историю, оф коорс. Высадился в первом порту и поплыл на угольщике назад в Пирей. И от всех его заработков только и осталось, что на старую моторную лодку. Он купил лодку и начал рыбачить. И наконец ему повезло.

Мой спутник остановился и снял пенсне.

Тут я увидела, что у него добрые, помаргивающие, растерянные глаза. Без пенсне он выглядел совсем по-иному, чем тогда, когда носился между колонн Парфенона, воинственно блестя стеклами. Жена подошла к нему и начала что-то говорить, а он глядел, терпеливо помаргивая, и под глазами у него были мешки. Они стояли рядом, оба немолодые, чем-то похожие друг на друга.

Наконец жена отошла.

— Может быть, вы торопитесь? — спросил он и покосился на шоссе. Там стояла машина, блестя под солнцем, и шофер смахивал с нее мягкой кисточкой пыль.

— Что же было дальше? — опять спросила я.

— Да,— сказал он, вздохнув.— Я же говорю, что ему наконец повезло. Он рыбачил и еще эти чертовы губки искал под водой. Туристы, знаете, обожают покупать в Афинах губки.— Он, спохватившись, посмотрел на меня и перевел разговор.— Грудь у него, можете представить, была, как меха. Ну, и один раз, когда он нырял за губками, он увидел на дне бронзовую статую. Говорят, статуя пролежала на дне моря несколько тысяч лет. Я ее потом видел — по-моему, ничего особенного! Обыкновенный здоровый голый парень, и к тому же вся бронза стала зеленой, как водоросли. Но знатоки говорят, что это—настоящее сокровище. Словом, шум подняли такой, что несколько дней газеты только об этом писали. Я встретил моего приятеля, он был, как очумелый. «Когда я,— говорит,— увидел ее на песке, я чуть не захлебнулся, такое со мной сделалось. Я сразу понял, что это — счастье. Уж тут-то,— говорит,— я его не выпущу. Сам понимаешь, сколько я получу денег за то, что нашел такое сокровище. Уж тут-то,— говорит,— мы не будем знать нужды. Вот оно, счастье!»

Он был совершенно как очумелый и только твердил «счастье» и «счастье», словно его завели. И все обнимался со своей Анти. Он ее любил прямо как сумасшедший. Я просто не видел, чтоб так любили женщину! Во всех газетах поместили его портрет: и на лодке, и когда он ныряет за губками, и дома, с Анти, с ребятишками... Чего только не писали про него!

Я обернулась и посмотрела назад. Маленький, покосившийся домик, в котором лежал на кровати под простыней мертвый человек, был виден на фоне розового неба — весь, со своей односкатной крышей и торчащей трубой.

— Когда эту самую статую поднимали, он все время был там,— продолжал мой собеседник.— Водолазы на дно пошли, и он с ними нырнул, показывает, где она лежит. Хлопочет вокруг, словно сам ее сделал. «Если бы я мог,— говорит,— я бы один ее поднял, но здесь такое дело, что только подъемный кран ее возьмет». Стали ее тянуть краном, а он тут как тут. «Осторожней! — кричит.— Не повредите!» И как-то так неудачно подвернулся... Придавило его, словом, этой статуей.

Голос моего собеседника дрогнул. Он замолчал и молчал долго.

— Никогда не думал, что он сдастся,— наконец сказал он и вытер под пенсне глаза.— Не могу представить, знаете, что его уже нет. А его нет — и крышка.

Он спрятал платок и зашагал к машине.

Из дома послышался длинный, рыдающий звук — не то плач, не то вопль... Жена моего спутника схватилась за голову и побежала туда.

— Ай эм сори,— сказал мой спутник, тревожно глядя на дом.— Если можно, я покажу вам театр Диониса завтра. А? Понимаете, мне нужно было бы остаться. Вы уж простите, пожалуйста. Ай эм вери, вери сори.

Я неловко сунула ему деньги, и он положил их в карман с явным облегчением. Мы попрощались; он бегом побежал к дому, чуть приседая и держась левой рукой за бок, как бегают все страдающие одышкой пожилые люди.

На следующий день я собралась уезжать из Афин. Вещи мои уже стояли в холле. Портье у конторки бегло и учтиво, как банкомет, придвинул мне наклейки для чемоданов. На них был изображен храм Ники Аптерос и сбоку фасад отеля, в котором я жила.

На сердце у меня было худо. Не только потому, что я видела смерть человека. Я неотступно думала о его жизни.

До отъезда оставался час. Я решила отправиться в музей.

В музее было людно, и все было так, как обычно бывает. Ходили туристы в башмаках на толстых подошвах; неутомимые знатоки, побывавшие во всех музеях мира; поминутно шепчущиеся молодожены, совершающие свадебное путешествие; очень красивые и очень равнодушные молодые женщины, одетые настолько модно и дорого, что это уже не бросалось в глаза.

Гид — старичок с галстуком бабочкой — устал и поминутно озирался, ища стул: его, видно, уже не держали ноги.

Это был археологический музей. Я уже знала, что лучшие сокровища Греции надо искать в Париже, в Неаполе или в Лондоне, но не там, где они были созданы. За многовековую историю Греции ее богатства изрядно расхватали другие государства. Но несколько поистине прекрасных вещей я увидела и здесь.

Уже уходя, я заглянула в последний зал. Там, хорошо освещенная со всех сторон, стояла большая бронзовая статуя.

То был Посейдон, бог морей.

Он стоял посреди зала, уперев в постамент сильные ноги. Гораздо больше, нежели бог,— это был человек во всей могучей, спокойной красоте зрелости.

— Эта статуя Посейдона была создана в пятом веке до нашей эры,— произнес старенький гид и вытер лоб платком.— Счастливый случай дал нам возможность снова любоваться богом морей. Статую обнаружил на морском дне рыбак. Вы, конечно, видите, медам и мсье, что перед вами создание гения...

Два загорелых светловолосых человека в легких костюмах и галстуках, похожих на радугу, стояли возле меня.

— Давай пойдем поищем Эдди,— сказал один другому по-английски.— Он, наверное, в баре. Как бы он не надрался, как в прошлый раз!

— Ничего не будет с твоим Эдди,— ответил второй.— Слушайте,— обратился он к гиду.— А этому парню, который вытащил вашего бога, что-нибудь дали?

— Конечно,— сказал гид и снова вытер лоб.— Он получил высокую награду. Значок за спасение утопающих.

— Ловко это вы его,— сказал человек в галстуке с радугой и засмеялся.— Неплохо придумано!

— Пошли,— сказал второй.— Пошли в бар искать Эдди. Ну его к черту, этого Посейдона.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Петрусь БРОВКА

Труд

Средь близких и чужих людей,
В худой одежке, полугол,
Я с детских лет, как муравей,
По трудовой дороге шел.

Былое в памяти храня,
Не все я проклинаю,
Нет!
Хоть видел я немало бед,
Была и радость у меня.

Тот с этой радостью знаком,
Кто пастушонком в поле рос,
Кто ноги мыл в сиянье рос,
Рассветным озарен лучом.

Я жил среди дождей, ветров,
Переходя из класса в класс:
Сперва гусей у речки пас,
Потом свиней, потом коров.

Когда ж подрос я и окреп,
Соху мне дали наконец.
О, как я счастлив был, малец,
Полоску распахать под хлеб!

Пусть вкривь и вкось
бороздки шли,
Я рвал ковыль и купырьё.
Как лемех в глубине земли,
Я сердце высветлил свое.

Незваный гость на свете тот,
Кто, не трудясь, бесплатно ест.
Недаром в Чехии народ
Хранит присловье:—Праце чест!

Сердце

Багряный комочек
уместишь в ладони,
А бьется,
трепещет,
не зная покоя.
И нет ничего безграничней, бездонней,
Чем это вот хрупкое сердце людское.
Вобрало в себя неуемное сердце
Пространство и годы,
Любовь и тревогу.
Мне чудится издавна, чуть ли не с детства:
Сквозь сердце мое пролегает дорога.
То ровной стрелою идет напрямую,
То тропкой извилистой кружится, вьется.
Чем дальше иду я,
Чем дольше живу я,
Тем больше на ней и следов остается.
Есть люди, что в сердце друзьями гостили,
Прошли по дороге моей лишь однажды,
Прошли, но деревья на ней посадили
И память оставили веточкой каждой.
А есть и такие — проходят и камень
Швырнут обязательно, если успеют...
Завалят дорогу твою валунами —
Убрать бы те камни из сердца скорее!
Бывает, в глазах потемнеет от боли,
Не спится: обиды и раны считаешь.
От боли такой излечиться легко ли!
А все же с победою утро встречаешь.
Бледнеешь в ночи от раздумий тяжелых,
Но утром лекарство найдешь от несчастий.
И снова выходишь здоровый, веселый,
И сердце для дружбы распахнуто настежь!

Красивая улица

...Да, место такое вовек не забудется:
С ним связана давняя юность моя.
Есть в городе Минске Красивая улица,
О ней вспоминаю с волнением я.

Стояли домишки на ней деревянные,
Платками зелеными кутал их мох.
За что же такое ей дали название!
Никак я тогда догадаться не мог.

Была немощеная и непролазная,
А вечером темень, хоть выколи глаз.
Но мне она кажется нынче прекрасною,
Как в юности, сердце щемит и сейчас.

Бывало, весной она цветом завьюжена
И девушки в платьицах белых, как снег.
Мы жили семьею студенческой, дружною,
Звенел, не смолкая, на улице смех.

Вечерки, гулянья, свиданья сердечные.
Домой возвращались по ранней росе.
Подругам в любви присягали навечно мы,
Хоть слово сдержали, пожалуй, не все.

А время летит, как ему полагается.
Года промелькнули — коротенький миг.
И все, как в присловье, течет и меняется.
Пришел — не нашел я домишек былых.

Не зря мы седеем, и не удивительно,
Что нет ни старинных крылечек, ни тьмы,
Что юность еще горячей и стремительней
Идет по Красивой, чем некогда мы.

Пусть будут исканья ее не напрасными,
Пускай предстоят ей большие дела!
Студенты путями разъедутся разными
С Красивой, что к свету и нас привела.

Хор

Еще рассветный дым клубится
И первый луч дрожит, как нить,
Но так ликуют в роще птицы,
Что можно мертвых разбудить.

Соловушка споет сначала,
Скворец подхватит тенорком.
Кто лихо грянет на цимбалах,
Кто по струне пройдет смычком.

Потом возникнет кукованье,
Как будто флейты нежный звук.
А дятел, как на барабане,
Заладит мерно: тук-тук-тук.

Незримый жаворонок снова
Зальется, в поднебесье взмыв.
И воробей, земной, дворовый,
Чирикнет: дескать, тут я, жив!

Мне дорог этот хор чудесный,
Как будто сам я в нем пою.
И я встаю навстречу песне,
Навстречу солнцу я встаю.

* * *

Не боялся ты бури, не страшился ты шторма,
Словно челн быстролетный, плыл сквозь юность упорно.

С той поры не утратил ты разгона и силы,
Верил в парус багряный, где б тебя ни носило.

На него ты равнялся. Только с ним — не иначе!
Он всегда и повсюду пред тобою маячил.

Звал в морские просторы, и широк и бесстрашен.
Словно кровью твоею, кровью сердца окрашен.

Он с годами все шире. С ним, единственным, плавать!
Что нам тихая пристань и спокойная заводь!

Парус небо очистит от насупленной хмури.
Буря с песнею схожа. Прорывайся сквозь бури!

Перевел с белорусского
Я. ХЕЛЕМСКИЙ.

В гостях у Ольги Леонардовны

О. Л. Книппер-Чехова. 1957 год.

Ан. ФИНОГЕНОВ

Творчество Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой — гордость русского театрального искусства. Весь ее творческий путь связан с историей Московского Художественного академического театра, отмечающего в будущем году свой 60-летний юбилей.

Выдающаяся советская актриса живет на улице, названной именем ее учителя — Немировича-Данченко. Еще занимаясь в училище Московского филармонического общества, Ольга Леонардовна обратила на себя внимание одного из основателей МХАТа, Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

«Одна из самых даровитых учениц последних выпусков,— писал В. Немирович-Данченко.— Сценическая внешность, прекрасный голос, непринужденность и уверенность тона, общая интеллигентность и изящество игры. По приемам совершенно не похожа на ученицу — готовая актриса...»

Я встретился с Ольгой Леонардовной у нее дома. Комната была полна цветов. На стенах много картин, портреты, и среди них — три редких портрета Антона Павловича Чехова. Заметив, что я смотрю на пианино, Ольга Леонардовна сказала:

— Я очень любила петь. В Америке во время наших гастролей мне даже аккомпанировал Рахманинов, у которого мы тогда часто бывали. Я выступала в небольших концертах.

...14 октября 1898 года — день рождения Московского Художественного академического театра. Шел спектакль «Царь Федор Иоаннович» А. К. Толстого, роль царицы Ирины исполняла Книппер. Антон Павлович Чехов, еще лично не знакомый с актрисой, высоко оценил ее игру.

«Ирина, по-моему, великолепна,— утверждал он в одном из своих писем.— Голос, благородство, задушевность — так хорошо, что даже в горле чешется».

В том же году молодая актриса выступила в пьесе Чехова «Чайка», исполняя роль Аркадиной. И с этого момента она играла во всех чеховских пьесах, которые шли на сцене Художественного театра: «Дядя Ваня» — в роли Елены Андреевны, «Три сестры»— Маша, «Вишневый сад» — Ранезская, «Иванов» — Анна Петровна.

Роль Маши в спектакле «Три сестры» — одна из любимых у Ольги Леонардовны. Ее раскрытие чеховского образа считается классическим.

«С каким наслаждением я играю Машу! — писала потом Ольга Леонардовна А. П. Чехову.— Ты знаешь, она мне, кроме того, принесла пользу. Я как-то поняла, какая я актриса, уяснила себя самой себе. Спасибо тебе, Чехов! Браво!!!»

— Для нас, мхатовцев,— говорит Ольга Леонардовна,— Антон Павлович был больше чем близким драматургом. Он учил нас видеть и любить Россию, верить в народ, связывать с ним свое искусство. В своих пьесах он нес на сцену современную жизнь образы русских людей предреволюционной эпохи, с их мечтаниями и страданиями.

С Антоном Павловичем я впервые познакомилась в 1898 году. Тогда я играла в пьесе «Чайка». Помню, как он приехал к нам в театр на репетицию. До моего знакомства с Чеховым я представляла его себе каким-то особенным, а он оказался на редкость простым человеком. С первого же взгляда Антон Павлович покорил всех нас своим обаянием. А талантом его мы не только восхищались,—мы им жили, дышали, он открывал нам многое давно знакомое как бы впервые.

Антон Павлович поражал своей исключительной скромностью. Он не любил произносить речей, всегда скрывался от фотографов, художников, скульпторов, преследовавших его. В разговорах был немногословен. И свои радостные чувства выражал как-то по-особенному. Однажды мне передали, что Чехов, присутствуя на спектакле «Три сестры», в самых трагических местах улыбался... И вот я спросила его, что это значит.

— Эх ты, глупенькая! — сказал он мне.— Я ведь улыбаюсь от радости, что артисты хорошо играют.

Ольга Леонардовна не выступает сейчас на сцене. Но она живет всеми интересами театра. И в этом году актрису можно было увидеть на спектаклях МХАТа. Она не раз выезжала и в концерты, наслаждаясь музыкой и пением. Во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов старейшая русская актриса любовалась молодежными гуляньями, карнавалами, красочным убранством столицы.

— Я никогда еще за всю свою жизнь,— говорит Ольга Леонардовна,— не видела такого огромного скопления в одном городе людей самых различных национальностей, политических убеждений, вероисповеданий. Как жаль, что не дожил до наших дней Антон Павлович! Как бы он радовался, видя нашу Родину в качестве поборника мира и содружества народов!

Ольга Леонардовна говорит о большой и почетной миссии, выпавшей на долю нашей молодежи, которая должна с честью продолжать и развивать славные традиции русского и советского театрального искусства.

— Наша молодежь,— сказала актриса,— живет в счастливое время. Перед ней широко распахнуты двери школ, институтов, библиотек. Но юноши и девушки должны помнить, что если им много дается, то много с них народом и спросится...

В гости к Ольге Леонардовне часто приходят ее друзья. Среди них можно встретить маститых артистов, писателей, артистическую молодежь. Молодым она охотно дает советы.

Почитателей таланта Книппер-Чеховой много в разных странах мира, где ей приходилось выступать. Недавно она получила письмо от известной французской актрисы Валентины Тесье. Та с удовольствием вспоминает спектакль «Вишневый сад» в постановке МХАТа, который ей удалось посмотреть в Париже в 1922 году, и восхищается игрой Книппер-Чеховой, выступавшей в роли Раневской.

Ольга Леонардовна несколько раз бывала в Париже. С особенной теплотой говорит она о парижанах:

— Это люди исключительно темпераментные, щедро расточающие свое радушие. Очень понравился мне и французский зритель с его живым откликом на искусство актера.

Есть у меня заветная мечта,— говорит в заключение Ольга Леонардовна.— Но, к сожалению, из-за плохого здоровья она пока неосуществима: я хотела бы со сцены или по радио читать письма Антона Павловича Чехова.

А. П. Чехов и О. Л. Книппер-Чехова в Аксенове на курорте. 1901 год.

Ижевские умельцы

Фото М. САВИНА.

Ручаемся, редкий охотник, взглянув на этот снимок, не испытает беспокойного чувства зависти и не подумает: «Эх, и везет же человеку!» А если скажет так вслух, да еще в честной компании, не миновать спора. Непременно кто-нибудь из скептиков, не верящих в охотничью судьбу, возразит:

— Везет? Надо уметь стрелять!

И пойдет разговор! Конечно, поведут речь о ружьях, и тогда окажется, что каждый из присутствующих — владелец «самого лучшего «Зауэра», «самой меткой «Тулки». Ну, право слово, таких самострелов ни у кого нет!

Но вернемся к снимку. На нем изображен Николай Васильевич Майоров. В Советской Гавани, где что ни мужчина, то охотник, про Майорова говорят, что он «стреляет артистически». Вероятно, это так и есть, потому что Николай Васильевич — актер театра Тихоокеанского флота. Про актерское амплуа Николая Васильевича говорить не станем, а что он весьма успешно выступает в роли охотника, можно судить по фотоснимку.

А что за ружье у Майорова? Не «Зауэр» и не «Тулка». Самый скромный «ИЖ».

Совсем недавно Николай Васильевич послал письмо в Удмуртию, в Ижевск. Он писал:

«...Я и раньше был высокого мнения об ижевских ружьях, но «ИЖ-54» превосходит их и по боевым и конструктивным качествам и по качеству внешнего оформления и отделки... Самым главным достоинством моего ружья я считаю его замечательную сбалансированность, резкость боя, тщательность подгонки частей и особенно мастерство гравировки...»

Дальше Николай Васильевич писал, что это мастерство «стоит на грани искусства» и что оно доставило ему и его «товарищам по театру и охоте истинное эстетическое наслаждение».

Достаточно взглянуть на образцы гравировки, чтобы убедиться в правоте дальневосточного охотника. На Ижевском заводе с 1949 года начали изготовлять спортивное и охотничье оружие. За это время продукция ижевцев завоевала мировую известность. Индийские джунгли, долина Нила, горы Афганистана, Ирана и Турции, охотничьи угодья Соединенных Штатов Америки — где только не встретишь охотников с ружьями ижевской марки! И отовсюду поступают лестные отзывы: «ИЖ» бьет отлично, безотказно!

Что такое ружейный ствол, всякий охотник понимает. Это и меткость, и кучность, и дальнобойность. Словом, в точности и тщательности отделки ствола вся суть. Опыт показал, что женские руки иногда справляются с этим не хуже, чем мужские. В ствольном цехе завода одной из лучших работниц считается Людмила Зорина, развертщица. Ее труд — сама точность.

А гравировка? Тут и точность, и тонкий вкус, и самое настоящее художество. Смотрите, как сосредоточенно работает гравер Леонид Васев! Это безупречный мастер. Недавно Васев ездил в Германию, в город Зуль. Там его работы получили высокую оценку. Недаром он руководит граверной группой заводской школы ружейного мастерства.

Надо отдать должное ижевским оружейникам: обучению молодых кадров они уделяют большое внимание. В школе рабочей молодежи при заводе готовятся будущие мастера-искусники.

Ижевский завод принимает индивидуальные заказы на изготовление ружей и получил за их отличное выполнение немало благодарностей. А выполнить иной заказ не так-то легко. Просит, например, человек изготовить ему такое ружье, чтоб удобно было прицеливаться левым глазом. Другой хочет, чтоб ружье от затыльника до мушки было украшено чеканкой по его вкусу. А врач из Воркуты Николай Алексеевич Ермаков прислал «дипломатический заказ». Дело в том, что жена Николая Алексеевича не всегда бывает довольна, что муж увлекается охотой. Николай Алексеевич решил и супругу пристрастить к охоте и с этой целью заказал ружье с ее портретом.

Взгляните на снимок, Николай Алексеевич! Заместитель начальника сборочного цеха, ваш тезка, Николай Изметинский передает вам привет и сообщает, что ваш заказ готов.

Я. ФОМЕНКО

Одна из улиц городка Хиракава.

Японские записи

Л. КУДРЕВАТЫХ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Поездка в Хиракава

«Из узеньких улочек предместья Токио машина вырвалась на широкое асфальтированное шоссе и вынесла нас на побережье. Дорога пролегает вдоль океана, напоминающего огромное синее покрывало. С левой стороны над нами нависают гранитные глыбы гор с чахлыми деревьями, впившимися своими корнями в камень. Справа сотни лодок качаются на волнах. Вдали маячат темные точки рыбачьих шхун».

Это запись из моего дневника ранней весны 1946 года.

Сейчас я еду в японскую деревню по той же дороге, и взору открывается тот же пейзаж. Внешне за минувшие одиннадцать с половиной лет здесь почти ничего не изменилось. Префектура Тиба как была одной из плодородных в Японии, так и осталась богатой рисом, только урожаи заметно поднялись.

В 1946 году в этих местах, как и по всей стране, народ требовал проведения земельной реформы, ликвидации многовекового владычества помещиков, а правительство, опекаемое американской военной администрацией, всячески тормозило проведение реформы, назначая баснословно высокие для крестьян цены на помещичью землю. В ту пору мы ехали в деревню Хираока, и одним из наших спутников в машине был помещик Кэндзи Осуми, уже крепко связанный с городским капиталом. Стараясь уверить нас в благородстве своих намерений, он говорил:

— Я давно бы бросил землю, но сам я из деревни и корнями связан с землей. Трудно отказаться от нее. Теперь, когда вышел закон о земельной реформе, я думаю часть своей земли продать моим крестьянам.

Сейчас Кэндзи Осуми не был с нами в родных местах. Мы с ним встречались и беседовали позже. Известный в Японии прогрессивный общественный деятель, журналист Масахару Хатанака, сопровождавший меня в деревню Хираока в 1946 году, и теперь любезно согласился участвовать в нашей поездке. Еще в пути, пока мы ехали по горным ущельям в глубь полуострова и перед нами расстилались равнины спелых, уже пожелтевших рисовых плантаций, он с присущим ему юмором объяснял:

— Помните, тогда, почти двенадцать лет назад, крестьяне, увидев помещика, гнулись перед ним, как перед императором. Помещик не только брал за землю львиную долю урожая, но и был «духовным отцом» арендаторов. Правительство, тянувшее с земельной реформой нудную волынку, под напором крестьян и по требованию Дальневосточной Комиссии в 1949 году все-таки завершило реформу. Помещикам был оставлен максимальный надел — три цио пахотной земли. Остальную они обязаны были продать крестьянам — непосредственно или через государственные органы. А без земли и духовной власти померкло их влияние. Теперь на деревенском небосклоне появились новые светила.

Петляя вокруг увалов, щебенчатая дорога вынесла нас на широкую равнину. Ее обрамляли утонувшие в зелени садов холмы, а по ним амфитеатром раскинулись крестьянские домики с черепичными и соломенными крышами. Это была знакомая нам деревня Хираока. Но называлась она уже иначе. В 1955 году Хираока и село Накагава объединили и назвали городом Хиракава, хотя промышленных предприятий и рабочего класса здесь не было и нет: жители всех 1 842 дворов занимаются земледелием.

По старой памяти мы завернули к дому бывшего помещика Кэндзи Осуми. Построенный на бугорке, обнесенный с одной стороны каменной оградой, дом утопал в зелени. Размером и добротностью, взлетом углов черепичной крыши он напоминал храм или замок. В нем сохранилось что-то от былого величия, и вместе с тем теперь он показался нам облезлым, лишенным прежнего блеска. В доме жила семья сына первой жены помещика — учителя Иосихару Осуми. Только портрет, написанный маслом и стоявший на полу у дальней стенки, напоминал о бывшем хозяине поместья. Я уже знал, что Кэндзи Осуми, распродав землю, совсем покинул родные места и прочно пустил корни в городе. Кэндзи Осуми долго не мог смириться с потерей веками унаследованной его родом власти. Он попытал счастья на политической арене — выставил свою кандидатуру в японский парламент. Денег у него было много, предвыборную кампанию он провел широко и богато и был избран депутатом. Но, как заметил Хатанака, «вторично фортуна ему не улыбнулась». И теперь «отставной депутат» избрал своим местожительством курортный городок Дзуси на полуострове Миура. Он владеет гостиницами и ресторанами, транспортными конторами и домом не хуже того, что в поместье.

— Особенно-то я не унываю! — захохотал Кэндзи Осуми, когда мы по пути завернули в его новый дом.

А что теперь стало с другими помещиками Хиракава? Как живут бывшие крестьяне-арендаторы, которые снимали в аренду клочки земли и отдавали хозяину и государству до 70 процентов уро-

Мэр города Хиракава Хирокито Оно.

См. «Огонек» №№ 47 и 48.

На поле во время сбора урожая риса.

«Огонек»

Молотьба риса.

Дом крестьянина.

Бывший помещик Осуми.

жая, жили впроголодь, не имели не только добротного убранства в доме, но даже запасного платья-кимоно?

С этими вопросами и обратились мы к старым знакомым, которые собрались в доме учителя Осуми, узнав, что в городок приехал советский журналист. Раздвинуты застекленные ширмы двух стен большого дома. Мы сидим на прохладных татами, поджав под себя ноги. Легкий ветерок обдувает нас, и только ярко горящие электрические лампы над головой да большой, крытый черным лаком шкаф, стоящий за моей спиной, нарушают полную иллюзию беседы на открытом воздухе. Мэр городка Хиракава — господин Хирокито Оно, худощавый, невысокого роста человек, с челюстью, полной золотых зубов, медленно покачиваясь, говорит тихо, но внушительно:

— Земельная реформа коснулась только рисовых полей. А горы и леса по-прежнему остались у помещиков. И все же помещики полиняли. Нет ни той спеси, ни того влияния, что было прежде. Помните, в 1946 году в якубе (местное самоуправление) были только помещики, а сейчас нет ни одного. Другие люди стали хозяевами на земле и депутатами якубы. У нас после реформы все изменилось.— Медленно повернув голову и испытующе осмотрев своих односельчан, мэр городка сделал вывод: — Теперь у нас все равны, каждому дано право богатеть.

Старый знакомый Судзуки

С господином Оно я встретился впервые, но в беседе участвовали и старые знакомые. Я хочу узнать у них, так ли уж все сладко и гладко идет, как нарисовал это мэр городка. Вот сидит ладно скроенный и крепко сшитый, начинающий седеть Масаэцу Судзуки. Он, улыбаясь, вспоминает, как мы тогда, в 1946 году, осматривали его опытный участок картофельного поля. Судзуки говорил тогда о Мичурине и о том, что только новые, высокоурожайные сорта поднимут благосостояние крестьян-арендаторов, вручную обрабатывающих свои клочки земли. Я спрашиваю Судзуки:

— Ну, как ваша подопытная картошка?

— А я давно уже не занимаюсь опытничеством. Дело это у нас зряшное. Теперь у нас главное — земля и машины.— И вдруг неожиданно для меня, да, пожалуй, и для других собеседников, Судзуки отчеканил: — Помещик Кэндзи Осуми много сделал хорошего для нашего места.

Вначале показалось, что, сказав это, Судзуки просто отдает дань вежливости дому, в котором он находится. Но понятие «вежливость» в представлении Масаэцу Судзуки приобрело теперь совершенно иное значение. Он, Судзуки, расчетливый и энергичный делец, умело воспользовался земельной реформой. Далеко не у всех крестьян была возможность купить большой надел земли. Многие не смогли сохранить за собой даже те клочки, что арендовали у помещиков. А Судзуки, не торопясь, постепенно и настойчиво прибрал к рукам один участок за другим. Так у него оказалось 1 цио и 7 тан (около 1,7 га) рисовых полей, 3 тана полей под другими культурами и еще 4 тана под усадьбой.

— Многовато набрали землицы-то,— заметил я на следующий день, когда Судзуки показывал нам свои владения.

— Он у нас умный человек,— ответил вместо Судзуки начальник канцелярии якубы господин Симидзу, сопровождавший нас в прогулке по городку.— Судзуки понял, что на опытной картошке далеко не уедешь. Вот он и занялся предпринимательством...

Судзуки пригласил нас в одну из построек на большом дворе. Я вспомнил, что в 1946 году, когда Судзуки угощал нас картошкой облюбованного им сорта, у него был небольшой домик на четыре раствора ширм во все стороны, а вокруг — пустырь. Теперь в центре двора стоял дом, по размерам не меньше помещичьего дома Осуми, с той лишь разницей, что помещичий был уже облезлый, а у Судзуки новенький. Вокруг дома были хлев, амбары, гараж на два автомобиля, а в одной пристройке — печь, напоминающая печь небольшой хлебопекарни. Здесь несколько молодых людей ловко встряхивали большие железные противни с румяными, тонкими рисовыми лепешками — сембей.

— Сыновья ваши, братья? — спросил я, указывая на рабочих в потрепанной одежде, не обращавших внимания на наше присутствие и проворно возившихся у печи.

— Нет, что вы! Дети мои еще маленькие,— хитровато улыбнулся Судзуки.— Это наемные люди.

— У них нет своей земли?

— Как же, есть своя земля, но не так много,— продолжал Судзуки.— Я им помогаю заработать. Пока их всего шесть человек.

— А свою землю вы обрабатываете сами, своей семьей? — продолжал я интересоваться жизнью «умного Судзуки».

— По правде сказать, времени не хватает, часто отлучаюсь в города для продажи сембей и по другим делам. У меня теперь, как у многих, есть и молотилка, и зерноочиститель и свой мотор. Механизация ускорила работу на полях. А чтобы машины не стояли без дела, я их даю тем, у кого нет машин. Вот они и помогают мне на полях в дни сева и уборки за помощь, которую я охотно оказываю, предоставляя им машины.

Все это Судзуки говорил с хитроватой улыбкой на лице, подчеркивая, что ему очень трудно вести большое хозяйство, что у него не хватает времени, что он и жена его всегда в хлопотах.

Представитель якубы Симидзу благодарно смотрел на Судзуки, не скрывая своего восхищения им.

— К сожалению, таких широких людей, как Судзуки-сан, мало в нашем городке,— подобострастно ворковал Симидзу.— Он недавно справлял свадьбу, выдавал замуж дочку. На одно приданое потратил полмиллиона иен, да банкет стоил больше 100 тысяч. Такого размаха не знал даже сам помещик Осуми.

Десять и шестьдесят пять процентов

Слушая эту приторную тираду, я подумал: вот он, Судзуки, новый властелин японской деревни, представитель сельской буржуазии, который, эксплуатируя крестьян, на приданое дочки и свадьбу может истратить сумму, превышающую годовой доход четырех своих соседей.

По скромным подсчетам Судзуки, доход его хозяйства составляет в год около 4 миллионов иен. А недалеко живущий от него крестьянин Мацуро Коно, тоже еще не старый, полный сил и энергии человек, едва-едва перебивается от урожая до урожая. И домик его, как двенадцать лет назад был у Судзуки,— в четыре раствора бумажных продырявленных ширм. Телка стоит на ветру, под солнцем, привязанная к дереву, хлева нет. Ребятишки оборванные, да и сам хозяин в штанах с заплатой на заплате.

Крестьянин Коно сумел выкупить у помещика всего 4,5 тана (около 0,45 га) рисового поля да 4 тана земли для других культур. На большее, как говорит Коно, «не хватило жил», поэтому он сейчас 1,5 тана земли арендует у бывшего помещика, уехавшего на жительство в Токио. За это Коно платит хозяину 2 400 иен в год. Дети маленькие, старики немощные,— даже этот небольшой надел земли вручную обрабатывать тяжело.

— На время сева и уборки я арендую машины,— рассказывает Коно.— Ну, а за это плачу 2 тысячи иен деньгами и 15 дней всей семьей работаем на полях у хозяина машин. Потом налог надо платить — деньгами 10 тысяч иен да натурой около тонны риса. На инвентарь и удобрение больше 50 тысяч иен идет в год. Да мало ли еще какие расходы у крестьян! Реформа, конечно,— дело хорошее. Но как к кому она повернулась. Для меня, да и многих других соседей она была и остается призрачной. Ходили мы в одном ярме, а теперь в другом. Но ярмо, оно ярмо и есть...

Мэр города Хиракава господин Хирокито Оно, рисовавший картину послереформенного беспомещичьего благополучия и процветания, видимо, имел в виду хозяйство Судзуки или Мисаки Хидео, у которого тоже много земли и свои машины, а просторные поля обрабатывают чужие люди, такие, как Коно.

Перед отъездом из городка, побывав в домах крестьян и на полях, мы заехали в якубу и попросили Оно разрешения задать ему несколько вопросов. Он пригласил к себе всех своих советников и помощников. Здесь я воспроизвожу часть протокольно записанной беседы:

— Есть ли в вашем городке безземельные крестьяне?

— Нет. Все имеют землю.

— Есть ли рабочие?

— Нет.

— А те, что работают у Судзуки и других предпринимателей?

— Это члены семей крестьян.

— Сколько крестьян имеют земли по два цио и больше?

— Около десяти процентов.

— А меньше одного цио?

— Больше шестидесяти пяти процентов.

— До реформы крестьяне не имели своих сельхозмашин?

— Их вообще не было в этих местах. А теперь разные машины

Крестьянин Мацуро Коно с детьми.

Сушка рисовых лепешек на предприятии Масаэцу Судзуки.

для обработки земли и уборки урожая у многих крестьян.

— Сколько же хозяйств имеют свои машины?

— Пока два — три процента.

— А остальные?

— Некоторые купили машины на кооперативных началах, а другие арендуют их у тех, кто смог самостоятельно купить машины.

— В составе депутатов якубы есть бывшие помещики?

— Нет, они теперь не в почете.

— Кто же депутаты?

— Авторитетные крестьяне.

— Такие, как Судзуки?

— Да...

Резюме Хабу

Картина социального расслоения в послереформенной деревне Японии была бы неполной, если бы я не навестил своего прежнего знакомого, деревенского торговца Судзуки. Тогда, в 1946 году, у него была небольшая лавчонка, в которой он торговал вещами домашнего крестьянского обихода. Теперь у Судзуки мануфактурный и продовольственный магазин. Принимает он нас с купеческой широтой, угощает мороженым, арбузами и джусом. Он знакомит нас с сыном, подчеркнуто замечая:

— Был в России, в плену. Вернулся орлом. Противник войны, говорит: «Если соседи ссорятся, то потом оба ходят с шишками». Правильно говорит: зачем нам шишки?

Сын согласно кивает головой и, пользуясь небольшим запасом русских слов, пытается доказать, что после реформы крестьяне стали жить лучше.

— Покупательная способность возросла,— заявляет он.— Теперь у нас с отцом дел по горло.

— Нам торговать трудно,— вторя сыну, продолжает отец.— В Токио, на Гинзе, хозяин порой видит покупателя один раз. Если и сплавит ему плохой товар втридорога, все сойдет с рук! А у меня все покупатели — соседи. С каждым из них я встречаюсь ежедневно. Надо торговать честно.

Понимая, как «торговцу трудно быть честным человеком», я поддакиваю. Мой спутник Хатанака, принимавший живейшее участие во всех беседах, не без иронии спрашивает купца Судзуки:

— Не в убыток торгуете?

— Нет, что вы! Процентов двадцать от оборота остается.

— А оборот большой?

— Извините, боюсь опубликования цифр.

— Налоги? — допытывается Хатанака.

— Да мало ли что, лучше без цифр.

Я опять поддакиваю, а Хатанака не унимается:

— Если у крестьянина не хватает денег на покупку костюма, вы даете ему кредит?

— Обязательно!

— И надолго?

— Смотря, под какой процент...

Мы уезжали из Хиракава в знойный августовский полдень. Высоченные искусственные зеленые изгороди, обрамлявшие усадьбы, отливали перламутром. В долине рисовых полей начиналась уборочная страда. Мужчины и женщины в широкополых шляпах, низко склонившись, связывали руками пучки рисовых снопов, а потом развешивали их на шестах для дозревания и сушки. Кое-где рокотали моторчики молотилок.

— Ну, как? — спросил меня Хатанака, когда машина из ущелья вырвалась на широкую магистраль.— Это не то, что двенадцать лет назад? С проклятым феодализмом покончено?

— А что получилось? — ответил я вопросом на вопрос.

Теперь в разговор вступил Кэндзо Хабу, мой неоднократный спутник в поездках по Японии, экономист по образованию и, как говорил о нем Хатанака, «человек логического мышления». Он в беседах часто помогал нам вопросом издалека, приоткрывая истинное положение вещей. А сейчас Хабу, как бы подводя итог нашего визита в городок Хиракава, ответил на вопросы Хатанака и мои:

— Класс помещиков в Японии сошел с политической арены. На смену ему в деревню пришли богатые крестьяне, предприниматель, ростовщик и торговец. Земельная реформа развязала руки небольших предприимчивых групп зажиточных крестьян. А основная масса деревенского населения как жила в бедности и кабале, так и осталась. Экономическое расслоение деревни произошло. Политическое только начинается. Власть в якубе берут «благонадежные», то есть богатые. А они основная опора в деревне правящей в Японии либерально-демократической партии; зато беднота тянется к коммунистам и социалистам. Не за горами, видимо, то время, когда мы станем свидетелями настоящих классовых битв в японской деревне.

Необычная демонстрация

С утра было пасмурно. Со стороны вершины красавицы Фудзи по направлению к Токийской низменности тянулся шлейф густых облаков. К полудню они обволокли все небо, спустились низко к земле, и ударил теплый проливной дождь. Жители столицы точно заранее знали, что именно в этот час разразится ливень. Над головами пешеходов и велосипедистов раскинулись черные парашюты зонтов. Зонт — постоянная принадлежность японцев. Зная коварство островного климата, жители Японии, отправляясь в путь, обязательно берут с собой зонт, особенно если небо хмурится или с гор веет прохладой.

В час ливня мы возвращались из нашего посольства, где заместитель министра внешней торговли СССР товарищ И. Ф. Семичастнов, возглавляющий советскую делегацию на торговых переговорах в Японии, показал нам одно любопытное письмо. Житель курортного города Камакура, некто Фудзита, писал:

«Разрешите мне приветствовать ваше превосходительство и в качестве одного из представителей японского населения выразить свое уважение Вам, проделавшему столь длинный путь, чтобы начать теперь торговые переговоры между Советским Союзом и Японией. Сейчас мне шестьдесят лет. Я уже старик. В молодости я жил на Хоккайдо, в городе Отару. Зимой в Отару бывает холодно и выпадает много снега. Ходить в обычной обуви трудно. И вот в то время я купил себе пару русских галош. Это была очень красивая и удобная обувь. С тех пор прошло уже сорок пять лет. Я носил их, когда был снег и когда был дождь, и, тем не менее, сохранились они и до сих пор. Конечно, они потеряли свой блеск, но их можно еще починить и продолжать ими пользоваться. Теперь резиновая промышленность получила широкое развитие и в нашей стране. Однако мне кажется, что все же вещей такого качества наша промышленность не производит. На этих галошах имеется торговая марка. К сожалению, я не знаю языка вашей страны и не могу ее воспроизвести. Но я могу показать саму вещь. Я считаю, что это просто чудо. Пользуюсь случаем выразить вам мои лучшие пожелания».

Дождь, русские галоши, славные своей добротностью, и японские зонты, известные на весь

Дождь.

мир. Размышляя по этому поводу, мы не заметили, как машина вынесла нас к дворцу — резиденции премьер-министра Японии господина Киси. Тихая улочка вдруг оказалась забитой народом. Пожилые люди в черных кимоно с перекинутыми через плечо белыми лентами с иероглифами, укрывшись от дождя зонтиками, стояли рядами в молчаливом строю. Что было написано на лентах, переводчица сразу не разобрала. Мы развернулись и снова медленно поехали перед этой мрачной толпой. К нашему удивлению, переводчица захохотала. Она смеялась до слез.

— У нас в Японии вы всего насмотритесь,— наконец проговорила она.— Знаете, кто это такие? Бывшие помещики! Да, да, феодалы. И знаете, чего они требуют от премьера? Их, бедных, видите ли, обидели: мало дали денег за землю, вот они и просят надбавки.

Я не знаю, были ли в числе участников этой демонстрации представители семьи бывшего помещика Такаиоси из городка Хиракава. Но эта семья разъяснила мне «всю глубину горя, постигшего многих бывших помещиков». В 1946 году я ночевал в доме помещика Такаиоси. Что и говорить: во всем чувствовался достаток. Помещик Такаиоси пытался меня уверить:

— У нас с арендаторами сердечные отношения, братство душ. Если крестьянин получает хороший урожай и сдает мне много доброкачественного риса, то я в знак признательности дарю такому крестьянину какую-нибудь вещь.

Голосок у помещика Такаиоси был мягкий, елейный. Он долго и упорно уверял меня, что земельная реформа вообще не нужна, к добру она не приведет, что крестьяне ее не поймут.

— Ветры отшумят, и все останется по-старому. Пока есть император и пока сохранились духовные силы помещиков, земельной реформе не бывать, — утверждал Такаиоси.

Просчитался помещик Такаиоси. Как ни упиралось японское правительство, реформа стала реальным фактом. Не помогло помещикам и «братство душ» с крестьянами. И теперь, когда мы снова были в городке Хиракава, я навестил дом Такаиоси. Хозяин не выдержал тяжелого удара и вскоре после реформы умер. Нас приняла вдова — Сатико Такаиоси. В доме не было ни шика, ни уюта, а на обширном дворе с большими амбарами властвовало запустение. Сатико-сан быстро подала нам зеленый чай и, не отвлекаясь на долгие приветствия и воспоминания, стала жаловаться:

— Двадцать семей купили нашу землю. Себе мы оставили 7 тана под рисом и 3 тана общих полей. О лесах спрашиваете? Их постепенно продаем. Надуло нас правительство! За всю землю нам дали шестьдесят тысяч иен. Тогда, в 1948 году, это были большие деньги. А вы знаете, как за эти годы деньги упали в цене? Остались мы ни при чем. Для работы в поле наемного человека держим, ему платить надо. Тяжело, ой, тяжело мы живем! Разорили нас...

Плакала вдова Такаиоси. Трудно ей забыть прежнюю жизнь. Трудно ее забыть всем бывшим помещикам. Вот и съехались они с разных концов страны в Токио, чтобы молчаливой демонстрацией перед резиденцией премьер-министра излить свое горе и чего-то требовать. Постояв в скорбном молчании на тихой улочке, эта процессия с зонтиками, похожая на траурную, прошлась по главным улицам столицы Японии. Прохожие встречали ее недоуменными и ироническими улыбками. А газетные репортеры даже не заметили и не обмолвились ни одним словом. Уж больно смешны были бывшие безраздельные властелины японской деревни — помещики-феодалы.

Еще об одной демонстрации

Консервативное правительство, привязавшее себя к американской колеснице как во внешней, так и во внутренней политике, не удовлетворяет справедливых требований простого народа о повышении его жизненного уровня. И народ протестует, гневно и решительно отстаивает свои права. Газеты пестрят сообщениями о забастовках на предприятиях и даже в целых отраслях промышленности. Забастовки идут волнами, одна за другой, порой охватывают почти всю страну. Предприниматели и правительство под нажимом народа иногда идут на мелкие уступки. Но проходит какое-то время — и рабочие вновь вынуждены затягивать ремешок.

Кто только не бастует в Японии: шоферы такси и студенты, служащие государственных учреждений и горняки, строительные рабочие и официанты ресторанов. В Киото мы оказались свидетелями не совсем обычной забастовки-демонстрации.

По главной улице города в жаркий, солнечный день, не нарушая уличного движения, шла процессия. Сотни людей в соломенных шляпах, выстроившись гуськом, тянули за собой металлические тележки с корзинками из бамбука. На стенках корзинок и на стягах — транспаранты, и на них иероглифы: «Дайте нам возможность заработать на еду!»

В японских городах и деревнях тысячи семей из поколения в поколение занимались сбором и скупкой по дворам и улицам всяких бросовых железных вещей. Эта железная рухлядь свозилась в одно место, а потом продавалась металлопроизводящим заводам. Этим жили семьи сборщиков железного лома. А теперь предприятия, приобретая железный лом у американцев, совершенно прекратили скупку его у своего населения. Семьи сборщиков лома остались без скромного заработка, без средств к существованию. Вот они и вышли на улицы Киото с протестом. Им аплодировали прохожие, их фотографировали репортеры. А люди, стоящие на тротуарах, говорили:

— Надо же дойти до такого: свой народ оставить без куска хлеба, лишь бы угодить заокеанским хозяевам!

Через два дня в городе Осака я снова услышал о злополучной проблеме железного лома. Секретарь профсоюза докеров Китис Козима показывал нам порт. Удобно устроившись на небольшом катере, мы объезжали рукава гавани. На причалах шла обычная портовая жизнь. За день в порт приходит до пятидесяти кораблей. Их нужно быстро разгрузить и загрузить.

День был тихий, и катер, лавируя среди кораблей, медленно обходил причалы. Мы с Козимой сидели на корме. Он понимал русскую речь и немного говорил по-русски: несколько лет провел в плену в районе Хабаровска. После возвращения на родину он активно включился в политическую жизнь, примкнул к левому крылу социалистической партии и теперь один из руководителей профсоюза докеров. Говорил он спокойно, веско, доказательно:

— У нас еще много несправедливого и неразрешенного. Возьмем такой вопрос — оплата труда докеров. Корабль платит за разгрузку одной тонны груза 300 иен, а докер получает, представьте себе, всего 80 иен за тонну. Куда деваются еще 220 иен? Остаются у хозяина конторы, у капиталиста. Порт — наше единое целое и официально принадлежит городу. А вот видите лабазы, на них написано: «Сумитомо». Это крупнейший концерн. Он давил рабочий класс до войны, давит и сейчас. И ни одно судно, не принадлежащее этому концерну, не может пристать к его причалам. Получается государство в государстве. Да! А вот пристани компании Мицуи. Положение такое же! Видите баржу с железным ломом? Она приведена сюда с нашего японского острова Окинава, оккупированного американскими войсками. Там их база. Что это за лом? Спрессованные старые американские машины, военные каски и даже патроны. Все это американцы продают Японии, привозят с наших же, японских островов.

Я рассказал Козиме о демонстрации сборщиков железного лома в Киото. Он гневно сжал кулак:

— Продались наши правители! Своего соотечественника заставляют голодать, лишь бы угодить хозяевам из-за океана!

Демонстрация сборщиков железного лома.

Секретарь профсоюза докеров Осакского порта Китис Козима.

ШЕСТЬ ЗОЛОТЫХ

Трофим ЛОМАКИН,
заслуженный мастер спорта

Фото заслуженного мастера спорта Я. Куценко.

Париж... Хельсинки... Стокгольм... Вена... Мюнхен... Мельбурн... Тегеран... Таковы этапы большого пути двух сильнейших спортивных команд мира.

Вот уже одиннадцать лет длится состязание штангистов СССР и США, и за это время спортивное единоборство и одновременно содружество советских и американских атлетов продвинуло далеко вперед уровень мировых рекордов, а вместе с ним и класс современного тяжелоатлетического спорта. В этом есть благородная сущность спорта: чем ожесточеннее борьба, тем крепче содружество. Что нам делить между собой, кроме рекордов и медалей?

Начиная с 1952 года, с XV Олимпийских игр, штангистам США ни разу не удавалось добиться командной победы. И только на XVI Олимпийских играх в Мельбурне они после долгого перерыва смогли завоевать первенство, опередив команду СССР всего на одно очко. С тем большим интересом ожидалось новое соревнование неизменных соперников на первенстве мира 1957 года. Эта встреча была назначена в Тегеране на ноябрь, и все мы упорно готовились к ней.

Иранцы — страстные любители тяжелоатлетического спорта, и их штангисты считаются одними из лучших в мире. В этом мы могли не раз убедиться, встречаясь с ними на олимпийских и мировых первенствах, а также на дружеском матче в Москве.

В Тегеране нас радушно встретили. Мы смогли выступать в новом зале, специально построенном для первенства мира по штанге, но главную, неоценимую помощь нам, спортсменам, оказали иранские зрители. Они горячо и бескорыстно поддерживали сильнейших спортсменов, радовались их успехам.

Итак, через год после выступления в Мельбурне лучшие штангисты собрались в Тегеране. Сколько здесь было радостных встреч! Вот аргентинский тяжеловес Хумберто Сельветти горячо пожимает руку Аркадию Воробьеву. Популярнейший иранский штангист Махмуд Намдью на правах гостеприимного хозяина обнимает своего грозного соперника Владимира Стогова. Один из сильнейших штангистов США, Петер Джордж, неизменный «оппонент» нашего полусредневеса Федора Богдановского, улыбаясь, расспрашивает его о здоровье и форме. Ну, а я, конечно, сразу же направляюсь к Томми Коно, с которым с 1954 года веду долгий спортивный спор, доставивший мне немало огорчений. Все эти месяцы упорной подготовки я видел перед собой в тренировочном зале этого смуглого, черноволосого атлета, с которым встретился у штанги на первенстве мира в Вене, должен был уступить ему первое место в среднем весе и, несмотря на это, успел крепко с ним подружиться в Москве.

Тогда на одной из совместных тренировок я заключил с Коно пари. Он утверждал, что на первых же соревнованиях будет выступать в полутяжелом весе, а я не верил этому, хотя Коно вполне можно назвать «блуждающим штангистом».

На XV Олимпийских играх в Хельсинки он завоевал первенство в легком весе, на первенстве мира в Стокгольме успешно выступал в полусреднем весе, в двух следующих мировых чемпионатах был сильнейшим среди средневесов, а потом действительно установил мировой рекорд в жиме в полутяжелом весе. Но на международных соревнованиях в этой весовой категории Коно так ни разу и не выступал. Предусмотреть это было не так уж трудно: до тех пор, пока в этой весовой категории выступает советский штангист Аркадий Воробьев, Коно там нечего рассчитывать на успех.

Здесь, в Тегеране, мне хотелось еще раз встретиться с Томми Коно, как и обычно, в средней весовой категории. Я был подготовлен к этой встрече, как никогда, и имел все основания рассчитывать на победу. Но хочет ли встретиться со мной Коно, хитроумнейший тактик, умеющий маневрировать своим весом? Не сманеврирует ли он и теперь?

Прежде чем сойтись у штанги перед лицом судейской коллегии, мы встретились с Коно на тренировке, и по тому, как он дотошно следил за всеми моими подходами к штанге, было ясно, что он мой самый строгий судья. И вот за два дня до начала чемпионата Коно потянул меня на весы. «Пойдем, пойдем»,— твердил он заученное русское слово. И когда он убедился, что мой вес превышает контрольные для средневеса 82,5 килограмма, Коно сам стал на весы, показавшие всего 75 килограммов.

— Что это значит, Томас? — спросил я, имитируя растерянное недоумение.

— В твоем весе выступать не буду,— заявил решительно Коно.

Конечно же, для меня не являлось тайной его намерение. Я видел, как он упорно сгоняет вес, и понимал, что «блуждающий штангист» США ищет выгодной для себя лазейки.

Так я узнал, что мне не придется встретиться с Коно на помосте, а кто его заменит, догадаться было совсем не трудно: конечно, это будет младший брат Петера Джорджа, Джимми, двадцатитрехлетний штангист, уже в 1955 году в Мюнхене выступавший в среднем весе. Он завоевал в Мельбурне после Т. Коно и В. Степанова третье место.

Но вот определена расстановка сил, закончены тренировки, и при переполненном зале началась борьба сильнейших штангистов мира. Первыми вышли на помост атлеты легчайшего веса. Владимир Стогов в борьбе с двумя иранскими штангистами, Али Сафа Сонбали и Махмудом Намдью, завоевал золотую медаль, подняв 345 килограммов, установив новый мировой рекорд в троеборье.

В полулегком весе большого успеха добился молодой советский штангист Евгений Минаев. Он поднял 362,5 килограмма и также внес поправку в таблицу высших достижений. Минаев оставил на втором месте итальянца Себастьяна Маннирони, а на третьем — американца, олимпийского чемпиона Исаака Бергера.

В легком весе Виктор Бушуев, впервые выступив на столь ответственных соревнованиях, также стал чемпионом мира.

Только одному американскому штангисту удалось завоевать золотую медаль. Томас Коно, который перешел в полусредний вес, заменив там заболевшего Петера Джорджа, добился победы над Федором Богдановским. Я хорошо запомнил все перипетии этой борьбы. Как хотелось мне, чтобы Богдановский выиграл у «блуждающего штангиста»! И надо сказать, что наш товарищ был недалек от победы над самым выдающимся американским тяжелоатлетом.

После второго движения — рывка — Богдановский обогнал Коно на два с половиной килограмма, и, таким образом, ему надо было закрепить свой успех в последнем движении — толчке. Но здесь-то и разыгрались поистине трагические события. Богдановский поднял 160 килограммов, а Коно, чтобы догнать Федора, дважды безуспешно пытался толкнуть 162,5 килограмма.

Можно легко представить себе волнение, царящее в зале, когда Коно в третий раз взошел на помост. И тут-то сказались великолепные волевые качества, которыми отличается Коно. Он сумел заставить себя отбросить волнение, усталость и поднял этот вес, догнав Богдановского. Таким образом, оба штангиста набрали в сумме трех движений по 420 килограммов. Судьба золотой медали решалась, как и обычно, количеством собственных килограммов. Богдановский оказался тяжелее Коно на 600 граммов и вынужден был уступить первое место.

Теперь пришел мой черед. Но хоть моим соперником был американский штангист Джимми Джордж, я все равно вел борьбу не только с ним, но и с Коно. Конечно, не в моей власти было оставить его без золотой медали, но кто мог мне помешать оставить Коно без мирового рекорда в среднем весе? А рекорд был очень высок — 447,5 килограмма.

Вот и попробуй подступись к нему! Но я надежды не терял. Мой соперник Джордж выжал 130 килограммов, а я начал со 135, затем поднял 140 килограммов и, наконец, 142,5 килограмма.

Это был солидный фундамент для нового мирового рекорда в троеборье. Заметив внимательный взгляд Коно, я понял, что мой американский друг удивлен не на шутку. Теперь лишь бы не сорваться в следующих движениях — рывке и толчке. В рывке я набрал 132,5 килограмма, а уже после первой попытки в толчке сумма трех движений составила 440 килограммов и обеспечила мне первое место.

Что же делать дальше? Как использовать оставшиеся в моем распоряжении две попытки? Ответ мог быть только один: осуществлять свое желание, бить рекорд Коно. Но для этого мне на-

Чемпион мира в полутяжелом весе Аркадий Воробьев.

до было подиять штангу весом в 175 килограммов!.. Ведь этот результат являлся мировым рекордом, установленным Коно в Мельбурне, и был превышен там же на один килограмм Джимми Джорджем.

Нелегкая задача! Но попытка, как говорится, не пытка. Я выхожу к штанге и... не могу поднять ее.

Итак, у меня еще одна попытка. Зал, только что проводивший меня аплодисментами, хотя я совсем не заслужил их, теперь замер. Замер невдалеке от помоста и Томас Коно. Последняя попытка! Как трудно успешно использовать ее! Но на сей раз это мне удается. «Вес взят!» — сигнализируют мне судья и аплодирующий зал. Рекорд Коно побит. Теперь новый рекорд равен 450 килограммам. Но кто первый выбегает на помост, чтобы поздравить меня с победой? Это мой главный соперник, Томас Коно. Он обнимает меня, целует, и до чего же приятно это вещественное доказательство нашей спортивной дружбы!

В нашем весе борьба закончена, и я, в свою очередь, поздравляю второго призера Джимми Джорджа и прекрасного иранского штангиста Мансуори, ставшего чемпионом Азии.

Но особенно удачно закончился для нашей советской команды последний день мирового первенства.

Аркадий Воробьев — гордость команды СССР,— уже четыре года не знающий поражения, и на этот раз завоевал первенство, установив поистине замечательный рекорд в троеборье — 470 килограммов.

А заключил триумфальное выступление команды СССР иа мировом чемпионате Алексей Медведев.

В Тегеране американцы своего тяжеловеса не выставили, потому что феномен Андерсон перешел в профессионалы, а равного ему сейчас в США нет. Зато против А. Медведева выступал такой многоопытный тяжеловес, как Хумберто Сельветти (Аргентина), который, как и Андерсон, поднял в Мельбурне 500 килограммов.

Начало борьбы сложилось как будто бы не в пользу нашего товарища. Сельветти, выжав 175 килограммов, обогнал Медведева на 10 килограммов. Но уже в рывке Медведев почти ликвидировал этот разрыв, а затем опередил аргентинца на 15 килограммов.

В сумме трех движений Медведев поднял 500 килограммов и по праву получил свою золотую медаль.

Эта шестая золотая медаль, завоеванная в Тегеране, особенно дорога всем нам. Наконец-то сказал свое слово русский штангист тяжелого веса! Кому уже, как не нашей стране, издавна славящейся своими богатырями, не побеждать в самой тяжелой весовой категории! И это сейчас особенно важно, потому что на конгрессе Международной федерации тяжелой атлетики и физической культуры внесены существенные изменения в правила розыгрыша олимпийских и мировых первенств по штанге. До сих пор каждая команда могла выставлять в каждой весовой категории по два спортсмена, а в другой не выставлять ни одного. Отныне команда должна обязательно выставлять по одному атлету в каждой из семи весовых категорий.

Мы покидали гостеприимную столицу Ирана, преисполненные благодарности к организаторам мирового чемпионата, отдав должное быстрорастущему мастерству иранских штангистов, занявших вслед за американцами третье командное место. А наши главные соперники, штангисты США, прощаясь, пригласили нас, штангистов СССР, к себе в гости. Ну что же, иам оставалось только поблагодарить наших спортивных друзей за внимание. Конечно, мы с удовольствием встретимся с ними, чтобы обменяться опытом, помериться силами в товарищеском матче, но мы помним, чем закончились попытки штангистов США ответить нам на наше гостеприимство гостеприимством. Тогда, в 1955 году, последнее слово осталось за госдепартаментом. Что будет теперь?..

Но пусть на этот вопрос ищут ответа те, кто хотел бы видеть штангистов СССР на американской земле. Мы же будем продолжать неустанно повышать свое мастерство. Оно пригодится нам для новых встреч на помосте, где бы они ни состоялись.

Литературная запись В. ВИКТОРОВА.

Чемпион мира в тяжелом весе Алексей Медведев на трибуне почета. Слева — Х. Сельветти, справа — итальянский штангист А. Пигаини.

2:0 в нашу пользу

В Лейпциге в минувшее воскресенье состоялся последний отборочный матч шестой европейской группы. Встретились сборные команды СССР и Польши.

Как известио, в этом сезоне советские и польские футболисты встречались уже дважды: летом в Москве и в октябре в Хожуве. В первом случае победили футболисты СССР (3 : 0), а во втором — Польши (2 : 1). Обе команды, каждая по два раза, обыграли финских спортсменов и, таким образом, набрали по 6 очков.

Для того, чтобы определить победителя группы, и было назначено состязание на нейтральном поле в Лейпциге. Оно должно было решить, кто же получит право в будущем году в Швеции оспаривать первенство среди шестнадцати сильнейших комаид мира.

Естественно, что интерес к этому матчу был велик. В Лейпциг съехались тысячи туристов из Польши, Венгрии, Чехословакии, Румынии и разных городов Германской Демократической Республики.

Сто десять тысяч зрителей собралось на городском стадионе. Они были свидетелями захватывающей борьбы двух первоклассных команд.

Момент матча у ворот Польши.

Первые тридцать минут матча шла упорная борьба, в которой трудно было заметить превосходство одного из коллективов. Оба вратаря, Яшин (СССР) и Стефанишин (Польша), показывали высокий класс игры и самоотверженно защищали свои ворота. Отлично действовали и оборонительные линии. Одиако после того, как Стрельцов забил гол, команда Советского Союза начала планомерные наступательные действия и выиудила польских футболистов перейти к обороие.

Вторая половина матча прошла при заметиом превосходстве команды СССР. Она показала красивую комбинационную игру. Полузащитники Нетто и Войнов то и дело подключались к атаке и помогали своим нападающим. Но мастерство польского вратаря и защитников Корынта и Вожняка долгое время спасало ворота от, казалось, неминуемых голов. Незадолго до финального свистка Федосову удалось удвоить счет. Сборная команда СССР выиграла со счетом 2 : 0.

Победитель шестой группы определился: иа будущий год в Швецию поедут советские футболисты.

А как обстоит дело в других европейских группах?

В первой победила команда Англии, во второй — Франции, в третьей — Венгрии, в четвертой — Чехословакии, в пятой — Австрии, в седьмой — Югославии, в восьмой — победитель еще не определился (претендуют команды Италии, Северной Ирландии и Португалии), в девятой — Шотландии.

Команды Федеративной Республики Германии и Швеции освобождеиы от отборочных состязаний: первая как чемпиои мира, а вторая как команда страны, иа территории которой будет происходить чемпионат.

Закончены соревнования в Америке. В финальиую группу вышли Мексика, Аргентина, Бразилия и Парагвай.

Согласно положению, все отборочные состязаиия должны быть закончены 31 декабря 1957 года.

Финальные игры будут проведены в июне 1958 года в разных городах Швеции.

Дядя Кузя из министерства

Лариса ПИСЬМЕННАЯ

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Я никогда раньше не видел Павкиного дядю Кузю, но слышал о нем очень много. Ивга Свиридовна, Павкина мать, всегда говорит, что иметь такого уважаемого дядюшку — счастье, которому каждый может позавидовать. Однако я Павке не завидую. Почему? Ну, как же! Достаточно Павке «прокатиться на паре» (с кем не бывает?), как Ивга Свиридовна страшно возмущается и кричит, что дядя Кузя никогда в жизни не приносил из школы двоек, а учился только на «отлично»! Или еще: порвет себе человек штаны... Неприятность, конечно, а для бедного Павки — вдвойне. Ведь «дядя Кузя сроду не превращал новехонькие штаны в этакие лохмотья»! И вообще, что бы ни случилось, Ивга Свиридовна доказывает Павке, что он позорит своего знаменитого дядюшку, который работает не где-нибудь, а в самом министерстве, и не кем-нибудь, а большим начальником!

Нет, нет, не хотел бы я быть на Павкином месте!

И вот, представьте себе, прибегает ко мне запыхавшийся Павка и говорит, что от дяди Кузи из Киева пришла телеграмма: он приезжает! Павка с отцом сейчас собираются на вокзал встречать гостя, и я тоже должен поехать с ними.

Понятно, мне не очень хотелось встречать этого дядю Кузю, но у меня нет привычки бросать товарища в беде. И я поехал с Павкой и его отцом на вокзал.

Когда стал подходить поезд, Павкин отец поспешил на перрон, а нам велел покараулить такси, чтобы его кто-нибудь не захватил. Павка поскорее забрался в машину и там притаился: повидимому, он крепко побаивался своего дядюшку.

Вскоре к нашему такси подошел Павкин отец и привел дядю Кузю. Ну, уж и дядя Кузя! Толстый, как бочонок, лысый (шляпу он держал в руке), и по всему видно, что отчаянный ворчун. Он сразу же направился ко мне.

— Ну-ну, узнаю орла! Вылитый батя,— сказал он, уставясь на меня сквозь очки.

Я растерялся, а Павкин отец захохотал и хлопнул дядю Кузю по плечу.

— Попал пальцем в небо! Да это же не Павка, а Витя, Павкин дружок. А Павка вон где, в машине сидит, мордастенький, вроде тебя.

Дядя Кузя что-то буркнул и полез в машину. Павка из вежливости вскочил на ноги, но стукнулся головой о верх машины и присел. Дядя Кузя повалился рядом с ним и заполнил собой почти все сиденье. Павкин отец приткнул и меня к дяде Кузе, сам сел около шофера, и мы повезли дядю Кузю к Павкиному дому.

Ивга Свиридовна оставила меня обедать. Дядя Кузя переодевался: скинул с себя широченный, глиняного цвета костюм, надел белые брюки, розовую в полоску рубашку и стал похож на новый матрас. За столом я шепнул Павке, что на месте дяди Кузи три дня не ел бы, лишь бы похудеть. Но дядя Кузя, видно, не думал худеть, так как ел за четверых, а наевшись, стал рассказывать о своей работе в министерстве. Он сказал, что к нам на завод назначена какая-то авторитетная комиссия из министерства и он председатель этой комиссии. Комиссия начнет свою работу с понедельника, а он нарочно приехал в субботу, чтобы повидаться с родней — целую ведь вечность не видались! — и слегка проветриться где-нибудь на пляже. А то он за лето и Днепра не видел, настолько перегружен!

— Если ты хочешь проветриться, то езжай не на пляж, а на ночь рыбачить,— посоветовал Павкин отец.— Жаль, что мне в ночную смену. Ну, не беда, поедешь с этими двумя казаками. Лодка, кстати, у нас своя. Что ты на это скажешь?

Дядя Кузя сказал «гм» и стал недоверчиво нас разглядывать.

— Чего ты на них так смотришь? Не бойся, с такими рыбаками не пропадешь: на Днепре выросли! Да и хлопцы уже взрослые — в шестой перешли.

Мы с Павкой усиленно толкали ногами под столом ногу Павкиного отца и умоляюще заглядывали ему в лицо. Ну что мы будем делать на речке с таким дядей? Но Павкин отец почему-то совсем не замечал наших сигналов.

Дядя Кузя снова сказал «гм», сдвинул на лоб очки и наконец, на наше горе, согласился.

Отдохнув после обеда, дядя Кузя с трудом напялил на себя старую солдатскую одежду Павкиного отца и хотел копать червей. Но мы с Павкой объяснили, что настоящие рыбаки в июле с червяком дела не имеют, а ловят на ракушку. Дядя Кузя немного посопел, но сказал, что ему ничего другого не остается, как выполнять наши директивы.

Мы с Павкой мигом оборудовали несколько удочек — грузовок и поплавчанок, натыкали побольше запасных крючков в кепки, захватили котелок, плащ-палатку, сачок, лопатку, кошелку с едой, дядю Кузю и отправились на Днепр. Там взяли лодку и перемахнули на ту сторону — в заросший водорослями лиман.

— Тут будем ловить? — спросил дядя Кузя и потянулся за удочками.

— Нет, тут будем драть ракушек на приманку,— ответил ему Павка.— Вы посидите на берегу, а мы с Витькой быстренько надерем.

И хотя дядя Кузя дома обещал «выполнять наши директивы», тут он заупрямился и заявил, что намерен тоже драть ракушек.

— Тогда ты, Витька, двигай с дядей Кузей за ракушками, а я смотаюсь за глиной,— схитрил Павка и, схватив лопатку, поспешил удрать.

Что оставалось делать? Пришлось поставить дядю Кузю на четвереньки на корме и показать, как ведут сачком по дну, чтобы надрать ракушек; самому же сесть на весла и тихо грести.

Сначала у дяди Кузи ничего не получалось. Он сердился и уверял, что только сумасшедшие, зная о существовании червяков, будут мучиться с какими-то никчемными ракушками. Но довольно скоро дядя Кузя наловчился и стал таскать ракушек не хуже нас с Павкой. Он разошелся и приказал грести быстрее. Я и гребанул — сачок зацепился за корягу, и дядя Кузя бултыхнулся вниз головой в воду.

Я обомлел от страха, хотя и знал, что тут мелко. Заметив аварию, примчался Павка. Он ругал меня, охал, размахивал руками... Предатель! Будто я не видел, как он отвернулся и фыркнул в кулак.

Дядя Кузя вылез на берег, снял с головы тину и водоросли, разделся и развесил одежду сушиться на кустах. Он не очень рассердился, только заметил, что связываться с такими мальчишками, как мы,— это с его стороны явная авантюра. Я только вздохнул (разве мы просили с нами связываться?) и стал отбирать лучшие ракушки для насадки. А Павка притащил глину и принялся готовить приманку.

Дядя Кузя сперва молча лежал на песке и наблюдал, как Павка камнем толчет ракушки, а затем встал и подошел поближе.

— Интересно! Ну-ка, дай и я разок стукну. Сроду не готовил такой студень.

И дядя Кузя что есть силы стал колотить камнем по ракушкам. Потом помог замесить их с глиной и налепить лепешек. Он трудился усердно, хоть и ворчал, что не понимает, к чему вся эта чертовщина. Наша приманка, мол, напоминает ему работу некоторых сотрудничков из его министерства: возни много, а толку ни на грош. Мы ответили, что из приманки толк будет. О работе кое-кого из министерства спорить не стали: мы никогда в министерстве не служили.

Рыбачить поехали на Зеленую запруду. Солнце уже склонялось к горизонту, когда мы туда доехали. Дело в том, что дядя Кузя самовольно захватил весла и стал грести сам. Он говорил, будто в молодости прекрасно греб, но каждый раз ловил веслами таких «лещей», что мы с Павкой стонали от досады. Мы очень просили отдать нам весла, но дядя Кузя был удивительно упрям.

Причалили мы к нашему постоянному месту, около желтого камня. Зеленая запруда — это такой длинный остров вдоль правого берега Днепра, весь поросший деревьями и лозняком.

Дядя Кузя вывалился из лодки, поплевал на пузыри, вскочившие на ладонях от весел, и спросил, что ему делать дальше. Мы попросили его нарезать жердей для шалаша, и дядя, вооружившись ножом, ринулся в заросли.

Пока он ходил за жердями, с нами приключилась неприятность. Вы знаете Женьку Шуляка из седьмой школы? Нет? Странно, его весь берег знает... И вот этот самый Женька Шуляк с компанией наскочил на нас и хотел согнать с нашего места: ему оно, видите ли, тоже нравится! Но мы с Павкой твердо заявили, что ни-

куда отсюда не уйдем и пусть лучше не лезут, не то получат! Тогда Женька стал нахально наскакивать на нас с кулаками. Мы с Павкой не стерпели — да и кто бы стерпел! — и нам бы, пожалуй, здорово досталось от Женькиной ватаги, потому что их было четверо, если бы не дядя Кузя. Он неожиданно появился из-за кустов, швырнул на землю нарезанные жерди и, сунув руки в карманы, молча двинул на противника.

Женька Шуляк попробовал было огрызнуться: «Ишь, какой! Думает, если в очках, то его испугались!», — но все же попятился назад.

— Что ты сказал?! — страшным голосом загремел дядя Кузя.— Вот я вам, воробьи, покажу, как вторгаться в чужое ведомство!

Женькина компания вмиг засверкала пятками.

Дядя Кузя рассмеялся, хвастливо взглянул на нас, и я впервые подумал: «Все-таки хорошо, что мы взяли с собой на рыбалку этого смешного дядю Кузю!»

меется, рвал. Какой же мальчишка не рвет штанов!

Павка радостно переглянулся со мной и с надеждой выразил то, что уже давно наболело на душе:

— Небось, и на паре прокатывались?

— Как? — не понял дядя Кузя.— На какой паре?

— Ну, двойки хватали?..

— А-а, вот ты о чем! Ну, нет, братуха, тут у тебя вышла осечка: чего не было, того не было.

Павка разочарованно вздохнул. Что ж, хорошо, что со штанами выяснил, все же мать поменьше будет шпынять.

Пока мы с Павкой дергали уклеек, дядя Кузя соорудил из плащ-палатки шалаш и развел огонь. Нет, я здорово-таки ошибся, думая, что дядя Кузя ворчун, оказалось, он совсем простецкий дядька! Разводя костер, он даже весело запел:

Взвейтесь кострами, синие ночи!
Мы — пионеры, дети рабочих...

Уха вышла на славу! Наевшись, мы поставили лодку на глубоком

месте и закинули часть приманки. На крючки же насадили заранее разбитые ракушки. В толстых пальцах дяди Кузи ракушка расползалась, будто кусочки студня. Он долго мучался с ней, очень возмущался, но мы с Павкой быстро научили его, как это нужно делать, и дядя Кузя успокоился.

— По правде говоря, я бы не отказался слегка подкрепиться,— признался дядя Кузя, нежно поглядывая на кошелку с едой.— Я о днепровской ухе лет десять мечтаю...

— Витька, а мухи? — спохватился Павка.— Ты забыл о них?

— Это я забыл?! — Я показал Павке коробочку с пойманными мухами.

— Сейчас мы с Витькой надергаем для ухи сухлаев,— успокоил дядю Кузю Павка.— А после ужина будем рыбачить.

— Уточните, что такое сухлаи и как их надо дергать? — заинтересовался дядя Кузя.— Может, и я буду дергать с вами?

— Ну, по-нашему, это значит наловить уклеек,— объяснил я.

— Мы надергаем сами, а вы, Кузьма Свиридыч, лучше хворост собирайте для костра.

— О, что касается костра, то я старый специалист! — заявил дядя Кузя.— И костер могу и шалаш могу. Когда я был пионером...

— Пионером? — удивились мы. Вот оно что, дядя Кузя тоже был пионером! Павка запыхтел, шмыгнул от волнения носом и отважился:

— А вы... штаны тоже рвали?

— Штаны? Ну, а как же! Разу-

До темноты мы наловили десятка три подлещиков, а дяде Кузе удалось даже вытащить крупного подуста. Теперь он уже расхваливал наш метод и обещал поделиться приобретенным опытом со своими приятелями-рыбаками.

На ночь мы оставили рыбу плавать в лозовом садке, а сами расселись вокруг костра и опорожнили кошелку с продуктами.

— Ну-ка, тише,— загадочно вдруг прошептал дядя Кузя.— Помолчим минутку и послушаем.

Мы прислушались, но ничего не услышали.

— Слышите?

— Нет,— признались мы.

— Ну как же? — удивился дядя Кузя.— Послушайте, как дышит Днепро!

И действительно, Днепр дышал. Так: «хлюп-хлюп» — тихо и «хлюп-хлюп» — погромче... Точно человек во сне, ровно и спокойно. А мы с Павкой никогда и внимания на это не обращали...

Вдоль всей запруды пылали огни: была суббота, а в субботу на Днепре рыбаков видимо-невидимо. Дядя Кузя задумался и вспомнил, что у него в Киеве есть знакомый композитор, который пишет скучную музыку. И вот, по мнению дяди Кузи, если бы он, этот композитор, очутился тут, послушал бы, как дышит Днепр, увидел бы эти огни над водой и это звездное небо, то наверняка написал бы что-то путное. Это он чувствует по себе, хоть он и не композитор.

Потом мы с Павкой научились петь старую пионерскую песню «Взвейтесь кострами, синие ночи!». Дядя Кузя говорил, что это лучшая из песен, и мы поверили, она и нам очень понравилась.

Уже перед рассветом мы заползли в шалаш немножко поспать.

Мы, пожалуй, проспали бы восход солнца, если бы нас не разбудили несносные комары.

Мы с Павкой были уверены, что дядя Кузя, напрактиковавшись с вечера, начнет отчаянно рыбачить. Но он почему-то не очень внимательно следил за поплавком, а все больше осматривался по сторонам, будто впервые видел, как за лиманом всходит огромное багровое солнце, как неожиданно появляется из тумана весь огненный от лучей пароход, как утренний ветерок осыпает росу с тонких лоз... А может, он и в самом деле ничего этого не видел? Разве это увидишь в том министерстве?

Вдруг Павка выпучил глаза и диким голосом прошипел:

— Сачо-ок!!!

Я схватил сачок и, выбрав момент, подвел его под рыбину.

Вот это был язь! Язище! От зависти дядя Кузя аж подскочил и поклялся во что бы то ни стало переплюнуть этого задаваку Павку. Я тоже так решил, но напрасно: такие язи каждый день не клюют.

Приманка наша кончилась, рыба клевала все хуже. Пора было возвращаться домой.

К нам приближался буксир.

— Прицепимся? — предложил Павка.

А что ж, хлестать на веслах против течения, когда до причала шесть километров, а мы уже проголодались как волки? Дядя Кузя тоже признал, что это «вполне рациональный план, к которому он охотно присоединяется».

Буксир тянул девять барж, и мы, поравнявшись с последней, прицепились к ней.

На беду, на этой барже попался чересчур сердитый шкипер. Он ругался и угрожал нам всяческими карами, если мы не отцепим лодку. Дядя Кузя тоже не молчал, и вот так, под крик и споры, мы и плыли себе за буксиром.

Уже у самой пристани шкипер осип и перестал кричать, и мы решили плыть дальше — вплоть до нашего причала.

За пристанью мы встретили киевский пароход. На его палубе было много народа. Я обратил внимание на каких-то людей с портфелями в руках. Склонившись через палубные поручни, они пристально вглядывались в нашего дядю Кузю и указывали на него руками. Я спросил дядю

Кузю, не знает ли он, кто это такие. Он сказал, что знает: это едут члены той самой авторитетной комиссии, председателем которой он являлся. Но эти авторитетные члены, видимо, никак не могли сообразить: дядю Кузю или не дядю Кузю они видят перед собой. И не удивительно: ведь на нем были старая, с изломанными полями соломенная шляпа, линялая гимнастерка и солдатские, закатанные до колен штаны. Только очки оставались те же, киевские.

В это самое время сердитый шкипер, отдохнув, поднялся и что есть мочи заорал:

— А ну отцепи лодку, толстый черт! Слышишь? Не то очки собью!

— От черта слышу! — незамедлительно отозвался дядя Кузя.— Ишь, развалится его паршивая баржа, если мы еще немного проедемся! Сам разлегся, как сытый кот, и думает, что нам легко на веслах хлестать!

Авторитетные члены комиссии пожали плечами и отошли от борта. Они решили, что это все-таки не дядя Кузя. Но дядя Кузя сорвал с головы шляпу, помахал ею вслед пароходу и громко крикнул:

— Привет, сухлаи! В понедельник увидимся!

Я уже не мог разглядеть лиц членов авторитетной комиссии, только видел, как они засуетились на палубе.

Сердитый шкипер ругался с дядей Кузей до самого причала. Когда мы наконец отцепились, он, кажется, был даже этим недоволен: с нами ему было веселее. На прощание дядя Кузя бросил шкиперу на баржу пачку папирос и сказал, что он с огромным удовольствием прокатился за буксиром. И мы, собрав наш улов, пошли домой.

Вот и все, потому что потом дядя Кузя начал работать в своей авторитетной комиссии и я его больше не видел. Но, признаюсь, с того времени я все же стал немного завидовать Павке, что у него такой дядя, хотя Ивга Свиридовна по-прежнему продолжает допекать им Павку.

Теперь мы с Павкой с нетерпением ждем следующего лета: дядя Кузя твердо обещал махнуть рукой на всякие курортные Сочи и приехать в отпуск к нам, в Надднепрянское, рыбачить.

И что вы думаете? Обязательно приедет!

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

Сто лет

Жителю селения Кызыл-Агач в Азербайджане Ибрагиму Алескер Оглы Алекперову исполнилось сто лет. Несмотря на такой возраст, он трудится в колхозе имени М. И. Калинина, членом которого является со дня организации, и зарабатывает ежегодно триста — триста пятьдесят трудодней. Алекперов владеет несколькими строительными специальностями: он хороший плотник, столяр, каменщик, штукатур, маляр. Но больше всего он славится как непревзойденный мастер по изготовлению повозок и колес к ним. По приблизительным подсчетам, за свою долгую жизнь он сделал более двух тысяч восьмисот повозок и арб.

У Ибрагима Алескер Оглы семь сыновей, две дочери, более шестидесяти внуков и правнуков.

В. ШЕРЫШОВ

Фото М. Фришмана.

Луна-рыба

Известно, каких причудливых и разнообразных рыб достают ученые с морских глубин. Но вот перед нами житель самых верхних слоев с весьма оригинальной внешностью: луна-рыба, или рыба-голова (первое название она получила за свою серебристо-серую окраску). Как ни странно, но это массивное и неповоротливое бесхвостое создание — хищник. Своим крохотным ртом оно захватывает мелких рыбешек, рачков, медуз, хотя не брезгует вегетарианским блюдом — водорослями. Плавает луна-рыба плохо, обычно носится «по воле волн», выставив наружу спинной плавник. Рыбу, чучело которой вы видите на фотографии, выловили китайские рыбаки, заметив ее по плавнику. Она находится в морском музее в Циндао. Экземпляр весит около 0,8 тонны, имеет 2,24 метра в длину и 2,7 метра в высоту (размах плавников).

Луне-рыбе по плодовитости принадлежит одно из первых мест: в год она мечет до 300 миллионов икринок.

В Советском Союзе такие рыбы попадаются у Владивостока.

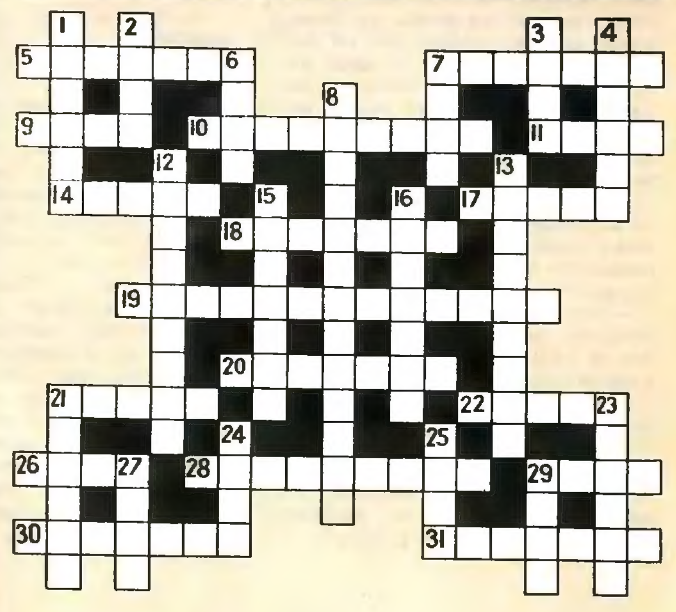
А. ЛАРИН

Фото автора.

Циндао.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Персонаж пьесы А. Корнейчука «Калиновая роща». 7. Хищная птица, используемая для охоты. 9. Чувство смешного. 10. Основной род занятий. 11. Буква греческого алфавита. 14. Хлопчатобумажная ткань. 17. Яркий свет. 18. Тригонометрическая функция. 19. Отрасль астрофизики. 20. Промышленное предприятие. 21. Дипломатический представитель. 22. Один из Ионических островов. 26. Газета. 28. Воспроизведение автографа. 29. Яровой злак. 30. Государство в Африке. 31. Поручение.

По вертикали:

1. Мир как единое целое. 2. Отдельный снимок. 3. Пустыня в Центральной Азии. 4. Морской заяц. 6. Единица радиоактивности. 7. Двухмачтовый парусный корабль. 8. Составление словарей. 12. Народный артист СССР. 13. Железнодорожный билет. 15. Созвездие северного неба. 16. Опера А. С. Даргомыжского. 21. Растение семейства розовых. 23. Русский шахматист. 24. Произведение В. Маяковского. 25. Гидротехническое сооружение. 27. Музыкальный знак. 29. Сорт глины.

Отвечаем читателям

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРНЫМ ГЕРОЯМ

«Многие герои литературных произведений приобрели широкую мировую известность. Некоторые из них настолько полюбились читателям, что их образы увековечили в скульптуре. Кому из литературных героев сооружены памятники?» — спрашивает читательница Н. Болотникова (Москва).

В Мадриде на площади Испании стоит памятник великому Сервантесу. Это — огромнейшее мраморное изваяние. У подножия сидит писатель. Наверху — земной шар, вокруг него — читатели с книгами. Перед этим памятником на отдельном постаменте стоит бронзовая группа — прославленный рыцарь, хитроумный гидальго Дон Кихот на своем Росинанте и его верный оруженосец Санчо Панса на сером. Эту группу можно считать отдельным памятником бессмертным литературным героям.

Город Ганнибал на реке Миссисипи. Здесь провел свое детство известный американский писатель Марк Твен. В центре города на большом Кардиффском холме — памятник двум босоногим мальчишкам. Это любимые герои Твена — Том Сойер и Гекльберри Финн. Гек держит за хвост перекинутую через плечо дохлую кошку. У ребят живописно разодраны штаны. Весь вид выражает смелость, отчаянность.

Памятник Сервантесу и его героям.
Фото В. Низского.

Такими их себе и представляли многие поколения читателей.

В копенгагенском морском порту сидит на огромных камнях грустная, тоскующая бронзовая девушка с рыбьим хвостом. Это полюбившаяся датчанам героиня известной сказки Ганса Христиана Андерсена «Русалочка». Скульптура выполнена Эриксеном.

Одному из героев финского народного эпоса «Калевала» посвящен памятник, который поставлен в Хельсинки в 60-х годах прошлого века. Автор — известный финский скульптор Шестранг.

Недалеко от итальянского города Пистойя, в маленьком селении Коллоди, есть памятник забавному деревянному мальчишке Пиноккио, герою одноименной книги Карло Коллоди. Деревянный человечек покорил миллионы детских сердец. У нас он известен под именем Буратино по книге А. Толстого «Золотой ключик», которая написана по мотивам произведения Коллоди. Создатель памятника — скульптор Эмилио Греко.

Ок. ЧЕРНИКОВА

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали:

5. «Цемент». 7. Шигаев. 8. Гуцулка. 9. Омшаник. 12. Аванпорт. 13. Вышка. 15. Ясень. 19. Исследование. 20. Астронавтика. 21. Шмель. 23. Ньяса. 25. Гусеница. 29. Пикассо. 30. Нейгауз. 31. Журден. 32. Тарань.

По вертикали:

1. Мемуары. 2. Генуя. 3. Ягуар. 4. Левитан. 6. Тыква. 7. Шамот. 10. Баскетболист. 11. Соревнование. 14. Кристалл. 16. Стендаль. 17. Осмотр. 18. Янонис. 22. Минимум. 24. Сычуань. 25. Гусан. 26. «Алеут». 27. Барда. 28. Игорь.

Письмо без слов

Во времена, когда не существовало письменности, люди составляли свои послания из различных предметов. Скифы, например, населявшие свыше 2 тысяч лет назад территорию современной Украины, направили однажды персам «письмо» следующего «содержания»: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Это своеобразное сборище предметов должно было означать: «Персы, если вы не умеете летать, как птицы, лазить под землей, как мыши, прыгать по болоту, как лягушки, то не рискуйте воевать против нас: мы засыплем вас стрелами».

А. ПОДОЛЬСКИЙ

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картины В. А. Серова «Девушка, освещенная солнцем», М. А. Врубеля «Гадалка», П. А. Федотова «Анкор, еще анкор!», В. Е. Маковского «Оправданная», Теодора Руссо «У водопоя» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10046. Подписано к печати 27/XI 1957 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 1289. Заказ № 2890.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Альпинисты на Цейском леднике. Северо-Осетинская АССР.

Фото Ю. Кривоносова.

